

На правах рукописи

Вишневский Сергей Юрьевич

**ПРИЗВАНИЕ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ПРОБЛЕМА:
ИСТОРИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ**

Специальность 22.00.01
Теория, методология и история социологии

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора социологических наук

Екатеринбург
2006

Работа выполнена на кафедре теории и истории социологии Уральского государственного университета им. А.М. Горького

Официальные оппоненты: доктор социологических наук, профессор Заборова Е.Н.

доктор философских наук, профессор Мельник В.В.

доктор философских наук, профессор Слюсарянский М.А.

Ведущая организация: Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского

Защита состоится ___20.06.06_____ в _15__ часов на заседании диссертационного совета Д.212.286.05 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора социологических наук при ГОУ ВПО «Уральский государственный университет им. А.М. Горького» по адресу: 620083, Екатеринбург, К-83, пр. Ленина, 51, комн.248.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Уральского государственного университета им. А.М. Горького.

Автореферат разослан _____

Ученый секретарь
диссертационного совета, доктор
социологических наук, профессор

Кораблёва Г.Б.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность. Социальная трансформация российского общества выдвинула проблему призвания в центр дискуссий. Обсуждаются призвание, назначение и роль России в современном мире, пути их реализации. Говорится о назначении и миссии различных политических лидеров и партий, их соответствии или несоответствии стоящим перед обществом на переходном этапе задачам. Вновь, как и в переломные эпохи прошлого, ставится вопрос: достойна ли или нет современная российская интеллигенция, деятели науки и культуры своего высокого призвания, предназначения – быть «властителями умов, настроений»? Обращение к проблематике гражданского общества по-новому актуализирует традиционное, российское: призвание человека–гражданина, его ответственности за судьбы своей Родины.

Одна из центральных тем социологии молодежи, социологии образования и социологии труда – профессиональное призвание – склонность, внутреннее влечение к какой-либо профессии и убежденность, что она «подходит» человеку, что он обладает необходимыми для этого способностями. Отсюда – связь проблематики призвания с профессиональной ориентацией, профессиональной подготовкой и профессиональным самоопределением молодежи. Сказывается изменение личностных факторов различных профессий в постоянно меняющейся социальной реальности. Призвание относится к стержню любой профессии, без которого она может существовать (объективная социальная необходимость), но не может эффективно развиваться. Специфика призвания связана с тем, что это не только проблема какой-то одной профессиональной деятельности. В этом проявляется «системное качество» призвания.

Социология как наука находится сегодня на рубежном этапе – самоопределения в качественно новых исторических условиях¹. Актуализируется проблема призвания социологии и социологов². Исследователи в области теории и практики менеджмента изучают проблемы призвания (миссии) организации и призвания (роли, функций) её лидеров, менеджеров.

Историчность и современность призвания, его субъективность и объективность, многообразие профессий и их единство в качестве осуществленности, назначение и предназначение ученого, политика, деятеля искусств, менеджера, социолога и т.д., все это объединяется в концептуальном плане проблемой призвания, отражает историческую преемственность и актуальность её социологического анализа не только для настоящего, но и как актуальную тенденцию дальнейшего развития социологии как теории и практики.

Степень разработанности проблемы. Анализ призвания как социокультурного феномена и социокультурной проблемы призвания с методологических и историко-социологических позиций актуализирован дискуссией о теоретическом самоопределении современной социологии. Эта проблематика рассматривается в работах многих исследователей (Р.М. Айдинян; П. Бергер, В.И. Болгов, Р. Бхаскар, П. Бурдые, П.П. Гайденко, А. Гоулднер, И.А. Громов, А. Гоулднер, А.Б. Гофман, Ю.Н. Давыдов, Р. Дарендорф, В.И. Добреньков, Т.И. Заславская, Г.Е. Зборовский, А.И. Кравченко, В.П. Кулыгин, Н. И. Лапин, Ю.А. Левада, Т. Лукман, В.А. Мансуров, А.В. Меренков, П. Монсон, С. Московичи, Г.П. Орлов, Г.В. Осипов, Н.Е. Покровский, Р.В. Рывкина, Ж.Т. Тощенко, А.Ф. Филиппов, П. Штомпка, В.А. Ядов и др.). В центре дискуссии – близость конца эпохи классической социологии; кризис теоретической социологии и утрата социологией как наукой своих границ; возможность объяснить сего-

¹ «Перемены нашего времени по своему величию подобны тем, которые случились в период возникновения социологической классики», - отмечает известный социолог Я.Сойсал и ставит вопрос: «Смогут ли наши концепции и организационные метафоры трансформировать себя и стать основой новой социологии для осмысления «стареющих» обществ Европы и мира? Идеологии, ценности, иерархии, границы, стили жизни и институты Европы, равно как и её народы, столкнулись лицом к лицу со значительной дезинтеграцией и обновлением. Что представляют собой возникающие в эру перемен социальные регуляторы, конфигурации, конфликты и расколы? Каковы наши социологические константы, категории и вехи, позволяющие вскрыть внутренние движения обществ» (Цит по: Кравченко С.А., Романов В.Л. Социология и вызовы современной социокультурной динамики // Социс. 2004. №8. С.3).

² Характерно введение специальной рубрики «Социология: профессия и призвание» в профессиональном «Журнале социологии и социальной антропологии».

дняшний мир с помощью социологических концепций; плодотворность их разнообразия, существования нескольких метапарадигм. «Сегодня, – по словам Ж.Т. Тощенко, – существует опасность, высказанная А. Туреном, – не достигнем ли мы такого уровня многообразия и толкования, что перестанем понимать друг друга? Такая опасность реальна, если мы не будем представлять, что наша наука – принципиальное целое, при всем многообразии точек зрения»¹. В рамках интегративного подхода («единство в разнообразии») целесообразно усовершенствовать категориальный аппарат социологии. Недопустима ситуация, когда социолог «ведет себя так, словно знание начиналось с него: он строит себе собственный понятийный аппарат, заново ставит старые проблемы, неоднократно совершает открытия, которые уже до него сделали другие и которые уже вошли в сферу обычного знания; он придает им видимость новизны, формулируя их на новом языке» (С. Оссовский²). Но уточнение традиционных образов и понятий, адаптация «новейших методов и теорий» разных наук к уровню современной социологии необходима. Сегодня важно обращаться к историческим истокам той или иной социологической категории, социокультурной проблемы. Это в полной мере относится и к «призванию». И тут исследователь сталкивается с определенным противоречием. Статус социологической категории придал «призванию» М. Вебер. Немалый вклад в обоснование концепции призвания внесли классики социологии Э. Дюркгейм, Х. Ортега-и-Гассет. Рассматривается эта проблема на философско-социологическом уровне и рядом современных социологов. Но в методологической разработке проблематики призвания и её эмпирическом анализе еще много неисследованного, неизученного. Практически нет монографий и серьезных публикаций, специально посвященные социологическому категориальному анализу призвания. Это расходится с реальной исследовательской социологической практикой, где «призвание» и сходные по смыслу и значению понятия широко распространены.

Выявляется один из наименее исследованных аспектов исследования проблем призвания – историко-социологический. Из разнообразия конкретных форм такого анализа (хронологический, персонифицированный, проблемный) целям нашей работы наиболее соответствует проблемный. Исходный методологический ориентир: «История социологии не просто очерчивает путь развития познания социального феномена, она дает представление о многообразии точек зрения на общество, общественную жизнь и общественного человека»; «Да и где в социологии кончается история и начинается современность? Как показывает развитие социологии, в ней происходит постоянная актуализация теоретико-методологических установок и отдельных проблем, поставленных мыслителями «прошлого»³. Реализация к проблеме призвания единства историчности и современности и выступает сегодня актуальнейшей (и пока – мало изученной) задачей. Идеи выдающихся социологов прошлого имеют историческое значение и находят применение в современном, развивающемся обществе. Естественно, применять их без изменений к анализу современной ситуации невозможно. Но общий пафос социологического исследования призвания остается. Современный характер социологического исследования может трактоваться по-разному: изучение реальных проблем и тенденций реализации призвания в современном обществе (таковы многие эмпирические исследования призвания); теоретико-методологический анализ основных параметров и механизмов призвания, обобщение социокультурного исторического опыта, помогающие современным социологам глубже и всестороннее выявить его сущность и характер, понять изменения в призвании личности и социальных общностей.

Наиболее часто в социологических исследованиях понятие «призвание» соотносилось с дискуссиями о месте и роли (назначении!?) интеллигенции (Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, С. Изгоев, Л.Н. Коган, С.Б. Орлов, Х. Ортега-и-Гассет, А.И. Рейблат, М.Н. Руткевич, М. Фуко,

¹ См.: В Институте социологии РАН //Социс. 2003.№10. С.139-143.

² Цит. по: Штомпка П. Понятие социальной структуры: попытка обобщения // Социс, 2001.№9. С.3.

³ Громов И.А., Мацкевич А.Ю., Семенов В.А. Западная теоретическая социология. СПб., 2003. С. 5,12.

С.Л. Франк, Ф. Хайлер и др.)¹. Типичен анализ О.Н. Козловой противоречивости социального статуса гуманитарной интеллигенции: она – «думающий и чувствующий аппарат нации» – призвана стратегически служить эталоном нравственности; но тактически отозвана от этого рыночным и постмодернистским настоящим. Нынешнее – среднее – положение гуманитарной интеллигенции «не соответствует той авангардной роли», которую она «призвана сыграть в социокультурном процессе в XXI в.». Близки выводы В.Ф. Левичевой: происходит «отказ от «исторической миссии» интеллигенции – быть экспертом принимаемых общенациональных решений, служить источником, социальным носителем и транслятором эталонных ценностных ориентиров, социальных норм и стандартов, вырабатывать нормативные стилевые характеристики гражданской жизни». Так социологически точно (открывая возможности для эмпирической интерпретации) дана характеристика концепции «призвания» («исторической миссии») интеллигенции, сформировавшейся в отечественной социологии².

Другой достаточно распространенный аспект употребления понятия «призвание» – в исследованиях профессионального выбора и профессионального самоопределения (работы Б.Ю. Берзина, П. Бурдые, В.В. Гаврилюк, Г.Е. Зборовского, Г.Б. Кораблевой, В.А. Мансурова, Б.С. Павлова, В.Г. Попова, Н.И. Поповой, М.А. Слюсарянского, Е.А. Шуклиной, и др.), когда оно обычно воспринимается как «соответствие склонностям, способностям человека».

Нередко подчеркивается призвание – функциональное назначение, предназначение или миссию – тех или иных социальных институтов (образование, семья, религия, политика)³.

Еще один аспект анализа призвания – обсуждение поставленной М. Вебером проблемы харизматического лидерства. Обычно рассматривается вопрос: можно ли или нет назвать того или иного лидера «человеком, призванным осуществить великую миссию»? Харизматический лидер «обладает чувством миссии радикального политического изменения и/или особого предназначения спасти нацию»⁴.

Объективно-практическая форма осуществления миссии и назначения в разных сферах деятельности и многообразии социальных проблем, рассмотренных в трудах классиков и современных социологов, в работах социальных философов и представителей других наук, определяют многогранность призвания как социокультурной проблемы. На пересечении этого многообразия и деятельностной концепции призвания можно раскрыть специфику социологического подхода к призванию: самоопределение развивающейся социологии необходимо не только на предметном, теоретическом и методологическом уровне, но и на субъектном уровне. Субъектное самоопределение проявляется как призвание, объединяющее взаимодействие социолога с другими профессионалами, и близкие по смыслу характеристики субъекта (назначение, миссия, задание, избранность, предопределенность, репутация).

И не столь важно направленность (социологическая, социально-философская, социально-психологическая, культурологическая и т.д.) интерпретации исторического социокультурного опыта как предмет и объект анализа. Существеннее его нацеленность на конкретизацию и разработку именно социологической концепции призвания. Парадоксально, но для анализа

¹ Реализовалась установка, Н.К. Михайловского: «Мы – интеллигенция, потому что мы многое знаем, о многом размышляем, по профессии (по призванию!?) – СВ.) занимаемся наукой, искусством, публицистикой». Близким был и подход Н.А. Бердяева: «Интеллигенция не есть социальный класс... Интеллигенция была идеалистическим классом, классом людей, целиком увлеченных идеями и готовых во имя своих идей на тюрьму, на каторгу, на казнь» (Бердяев Н.А. Русская идея. М., 2000. С.24).

² Социальный статус и имидж гуманитарной интеллигенции: иллюзии и реальность («Круглый стол») // Социс. 2001. №11. С.59, 60, 63; Интеллигенция в обществе риска. М., 2003.

³ «Образование призвано выполнять ряд социальных функций и, прежде всего, социального контроля за распределением индивидов по социальным слоям, стратам в соответствии с уровнем и качеством полученного образования (П.Сорокин). Эти функции должны обеспечивать стабильность и устойчивость социума. С другой стороны, образование призвано удовлетворять... запросы индивидов. Такие функции, как сервисная, социокультурная, прагматическая, способствуют адаптации индивида к быстроменяющимся условиям жизни, социальной защите от возможных неудач на жизненном пути» (Сорокина Н.Д. Перемены в образовании и динамика жизненных стратегий студентов // Социс. 2003. №10. с.55).

⁴ См.: Итвел Р. Возрождение харизмы? Теория и проблемы операционализации понятий // Социс. 2003. №3. С.12.

призвания в ракурсе современного деятельностного подхода менее значимы уточнения и корректировки содержания и предметного поля призвания как социологической категории. Продуктивнее путь от деятельности к призванию: учет деятельностного характера и природы призвания; выявление – на основе концептуального богатства современной социологии и других гуманитарных наук – сущности деятельности, её основных типов, форм и характеристик; развитие и углубление социологической концепции призвания – важнейшего (по Веберу) компонента социологии как науки.

Объект исследования – призвание как социокультурный феномен.

Предмет исследования – историко-социологический анализ становления и развития проблематики призвания, субъектного самоопределения призвания, обогащения социологической концепции призвания на основе углубления деятельностной теории призвания Вебера.

Цели и задачи исследования:

- уточнить характер историко-социологического анализа в условиях происходящего самоопределения современной социологии, выявить его теоретико-методологические предпосылки, обосновать его процессуальный, развивающийся характер;
- раскрыть сущность и многогранность призвания как социокультурного феномена и социологической категории, определить основные пути её социологического анализа;
- показать в рамках исторического развертывания социологической науки – от классического этапа (Вебер, Дюркгейм) к современному (представленному в нашем анализе Бурдье и Л.Н. Коганом) – как происходило становление и обогащение концепции «призвания»;
- конкретизировать концепцию «призвания» на основе деятельностного подхода, раскрывая взаимосвязь призвания с деятельностью и ее сущностными характеристиками - предметность и субъектность, трансформация, темпоральность и топологичность.

Последовательное решение этих задач определяет структуру работы.

Теоретико-методологические основы исследования. На основе классического социологического наследия (К. Маркс, М. Вебер, Э. Дюркгейм, Г. Зиммель и др.) и исследований современных отечественных и зарубежных социологов раскрывается сложное теоретическое становление социологической концепции призвания, имевшей различную понятийную форму и переплетавшейся с другими важнейшими теоретическими проблемами. Как методологические средства использовались социологические методы (функционализм, институциональный, ролевой, социальное взаимодействие и др.) и общенаучные методы: феноменологический (в классическом /Гегель/ и современном /Э. Гуссерль, М. Хайдеггер, Х.-Г. Гадамер, М. Шелер и др./ теоретических оформлениях, но социологически адаптированными – «понимающая социология», социология «повседневной жизни», современная социология жизни), интуитивистский, трансцендентальный, формально-логический, диалектический.

Эмпирические источники исследования. Их значимость сказывалась опосредованно: как теоретическое осмысление результатов социологических исследований, в которых с начала 1990-х гг. автор непосредственно участвовал и участвует. Многие проблемы этих исследований связаны с призванием (выбор профессии и профессиональное самоопределение молодежи, престиж профессии и призвание педагога, изменение социальной роли и функций общего и профессионального образования и т.д. А разработка социологической концепции призвания позволяла эффективнее осуществлять эмпирическую интерпретацию ключевых понятий и – тем самым – повышала качество этих исследований.

Научная новизна исследования:

- осуществлено исследование самоопределения современной социологии (внешнее разграничение с другими науками и внутренняя проблема социологии) как предпосылки историко-социологического анализа конкретной социокультурной проблемы; обоснован его процессуальный характер и выделены его важнейшие аспекты (предметный, теоретический, методологический и субъектный); выявлен конкретно-исторический характер их связи; обосновано понимание изменения формы социологии – переход от внешнего определения (когда заимствуются средства из других наук) к самоопределению социологии;

- уточнено предметное поле и основные аспекты анализа призвания как социологической категории и социокультурной проблемы; выявлены познавательные возможности лингво-семантического анализа – на примере социологической категории «призвание»; проанализировано её обогащение (конкретное, функциональное значение – обобщение и соотнесение с любой профессией; задание – предназначено, указанное – предназначение, назначение);
- разграничены внешнее и внутреннее призвание, субъективное призвание и объективная призванность; обоснована специфика и многоаспектность анализа проблемы призвания (институциональный, структурный, деятельностный, социально-ролевой, системный, функциональный подходы); раскрыта противоречивость призвания как встречи рациональности и иррациональности, традиции и инновации, взаимодействия интересов отдельной личности и общества в осуществлении профессиональной деятельности;
- на основе диалектики сущности и примера (аналогия, гомология, образец) обобщены данные социологического и социокультурного анализа призвания отдельных социальных деятелей – Р. Веласкеса, А. Данте, Г. Галилея, М. Лютера, А.С. Пушкина, У. Шекспира;
- осуществлен историко-социологический анализ процесса становления и развития социологической концепции призвания; выявлена сквозная (от анализа призвания Лютера до исследования политики и науки как профессии и призвания) и ключевая (основополагающая) роль категории призвания в социологическом творчестве Вебера, ее связь с его теориями «идеального типа», «видов деятельности», «харизматической личности»;
- раскрыта специфика социологического подхода Э. Дюркгейма к проблеме призвания – на основе трактовки профессиональности как определенного вида деятельности и различных типов социальных отношений; разграничения профессионализма и дилетантизма, выявления противоречия нормативного поведения («аномия – закон», привычки и обязанности), понимания призвания как связи между индивидом и группой с акцентом на группе;
- показан вклад Х. Ортеги-и-Гассета в развитие социологической трактовки призвания (диалектика призвания, обстоятельств и случая; поколенческий аспект призвания);
- исследована трактовка призвания в концепции П. Бурдьё (поле, социальное пространство, социальный капитал, «чувства позиции, границы и дистанции»; призвание социолога как включение в существующее – до и независимо от него – интеллектуальное поле социологии);
- выявлена роль исследований Л.Н. Когана жизненного пути, смысла жизни и судьбы, самореализации личности в углублении и конкретизации субъективной стороны призвания;
- осуществлена конкретизация проблемы призвания с позиций деятельностного подхода; раскрыта - на основе современных философско-социологических дискуссий - взаимосвязь призвания с деятельностью и её сущностными характеристиками (типы деятельности, предметность и субъектность, трансформация, темпоральность и топологичность);
- обоснована плодотворность применения в социологическом анализе матричных методик, позволяющих учесть взаимодействие разных факторов, инструментария специальных дисциплин (логика, математика, филология и др. – теория чисел; теория местоимений); реализованы в теоретико-методологическом анализе эти методики и инструментарий – применительно к разным аспектам призвания как социокультурного феномена;
- выявлено изменение в современных условиях призвания социолога; обосновано разграничение профессионализма, любительства и шарлатанства; намечены пути совершенствования методологического и методического профессионализма социологов.

Практическая значимость исследования. Предложенная методология может быть использована в разработке ориентиров самоопределения современной социологии, в осуществлении историко-социологического анализа других социокультурных проблем. Обоснование целостной социологической концепции призвания позволяет: по-новому понять ряд традиционных аспектов и проблем социологии; рассмотреть под углом зрения «призвания» уже проведенные эмпирические исследования, показать развитие «операциональности» проблематики призвания, выявить узкие места взаимодействия различных уровней социологии.

Осуществленные на базе теоретической разработки эмпирические исследования были использованы в практике органов власти и местного самоуправления при подготовке целе-

вых комплексных программ «Молодежь», «Образование», «Культура», разработке основных направлений региональной и муниципальной молодежной и культурной политики. Работа может быть использована для разработки и чтения курсов «Социология», «История социологии», «Методология социологического исследования».

Апробация результатов диссертации. Основные научные результаты и выводы исследования отражены в более 50 публикациях автора (в том числе – в 3 научных статьях в реферируемых изданиях, 2 авторских монографиях, 10 главах и разделах коллективных монографий). О результатах исследования докладывалось на международных, всероссийских и региональных научно-практических конференциях (в том числе – на Всероссийских социологических конгрессах, Уральских социологических чтениях, Сорокинских, Когановских и Файнбургских чтениях, конференциях «Возрождение России: общество – управление – образование – молодежь – культура» /Екатеринбург, 1993, 1998, 2001, 2003, 2004, 2005 /, Всемирной конференции под эгидой Юнеско «Культурное достояние Урала и Сибири» /Екатеринбург, 1995/, Всероссийской научно-практической конференции «Проблемы общественного развития в зеркале социологии и экономики» /Екатеринбург, 1999/; Всероссийской научной конференции «Проблемы реализации личностного потенциала молодежи в современных условиях» /Томск, 2004/, Международных конференциях «Социология социальных трансформаций» /Н. Новгород, 2003/ и др.). Материалы исследования использовались для подготовки авторских учебных курсов и отразились в 5 учебных и учебно-методических пособиях.

Структура диссертационной работы включает: введение, разделы I (2 главы), II (4 главы), III (5 глав) и IV (1 глава), заключение, библиографический список (содержит 235 наименований). Содержание работы изложено на 288 страницах.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обоснована актуальность исследования, раскрыта степень разработанности проблематики призвания, определены цели, предмет, объект, задачи и методы исследования, его научная новизна и практическая значимость.

В **разделе I – «Теоретико-методологические предпосылки историко-социологического анализа призвания»** осуществлен концептуальный анализ самоопределения современной социологии, роли и места концепции призвания в истории социологической мысли.

В **главе 1.1. «Историко-социологический анализ и теоретическое самоопределение современной социологии»** конкретизирован характер и направленность этого анализа, обогащение его содержания соотносится с теоретическим самоопределением современной социологии. Развитие социологии актуализирует теоретико-методологические установки и проблемы, поставленные мыслителями прошлого¹, определяет переплетение и соединение историко-социологического и теоретико-методологического анализа², реализацию подхода П.А. Сорокина к проблеме взаимодействия социологии и философии: «Всякая социология философична, а всякая философия включает социологический материал». Обобщение конкретного опыта историко-социологического анализа позволяет: различить его хронологическую, проблемную и персонифицированную формы, их переплетение; выявить утверждение в нем принципа плюрализма. Любой историко-социологический анализ историчен, отражая специфику своего времени. Современное историко-социологическое исследование проблем призвания – не исключение. Его необходимая предпосылка – четкое определение (и самоопределение) современной социологии. Самоопределение социологии процессуально и должно рассматриваться не только как внешнее различие с другими науками, но и как внутренняя

¹ Характерно замечание французского социолога Р. Арона: «Макс Вебер – наш современник. Он является им, прежде всего, потому, что его творчество, как и всех великих мыслителей, настолько богато и двусмысленно, что каждое новое поколение прочитывает его, изучает и истолковывает по-разному» (Арон Р. Этапы развития социологической мысли /Общ.ред. и предисл. П.С. Гуревича. М., 1993. С.569.

² «Формой развития теоретической социологии на исходе века становится историко-теоретическое исследование. Мы имеем достаточно серьезные основания говорить еще об одном синтезе – синтезе истории и теории социологии вообще» (Давыдов Ю.Н. Эволюция теоретической социологии XX века // Социс. 1995. №8. С.59).

проблема социологии. Важно учитывать разнообразие проблематизации (простая, трудная, сложная проблемы), разграничивать аспекты самоопределения (предметный, теоретический, методологический и субъектный), подчеркивая конкретно-исторический характер их связи.

Самоопределение социологии проходит в единой системе «вопросно-ответного» пространства. Ключевые вопросы развития её предметного самоопределения: «Как вернуться к целостному предметному самоопределению, не утратив достижений превращенных форм предметного определения? Какие социальные условия превращают предметное самоопределение социологии в противоречивое отношение субъект-предмет и объект-предмет?».

Рассматривая развитие современной российской социологии, отметим:

- включение российской социологии в мировой социологический процесс должно учитывать её своеобразие (не заимствование, а взаимообогащение и адаптация идей, теорий);
- социология есть противоречивое единство национальных школ, теоретических направлений и методологических программ. Теоретические направления, рожденные в определенной среде, носят интернациональный характер, могут быть представлены разными социологами;
- социологов отличает не только принадлежность к определенной национальной школе, приверженность к определенным направлениям в теории и методологии социологии, но и – что немаловажно – индивидуальные стилистические особенности.

Историческое разнообразие включения конкретного социолога в социологическое пространство и универсально, и специфично в постоянно изменяющихся конкретных исторических условиях. Но изменения возможны, когда что-то остается неизменным. В отечественной социологии неизменен интерес к актуальным социальным проблемам. Изменение проблем, их актуальности и важности определяет изменение направления интересов социолога.

Границы предметного самоопределения определяет логика развития предмета социологии. Самоопределение – не столько внешнее, сколько внутреннее определение. Социология как наука со своим предметным самоопределением не могла возникнуть до определенного момента в истории развития общества. Социология – развивающаяся наука. Этапы ее развития не могут быть выделены лишь с помощью общих теоретических средств. Проблема определения/самоопределения социологии обусловлена взаимодействием общетеоретических и специально-социологических представлений. Методологический способ анализа развития науки (включая и социологию) – выделение этапов: предыстория, классический и современный. При описании развивающейся социологии возникает ряд проблем: не существует единственный критерий периодизации (Г.Е. Зборовский выделяет временные, пространственные и содержательные критерии); спор о конкретных исторических границах выделенных этапов; зависимость периодизации и от внутренних проблем социологии, и от внешних факторов. Особо отметим изменение формы определения и самоопределения социологии в зависимости от содержательного изменения постановки проблемы. Изменение формы социологии – переход от внешнего определения к самоопределению. «Зрелость» социологии в достижении уровня самоопределенности, в связи самоопределенности с историческими формами определения её предмета. Важный момент самоопределения социологии – понимание общества как сложной реальности взаимодействия индивидуального и социального, где одновременно присутствуют разные формы связи «социального и индивидуального». Это позволяет социологии принимать во внимание «всю сложность и реалистическое многоцветье палитры социальной жизни»¹. В социологии существуют разные представления и понятия об обществе (чаще всего: Индивид – Общественные отношения – Общество). Если изначально убрать «общественные отношения», не делать их определяющим объектом социологического исследования, то отношения «индивид – общество», «общество – индивид», и их возможный синтез не позволят выработать объяснительную концепцию социологии.

В вопросе «Что такое социология?» переплетаются представления о науке, теории, методе и предмете. Традиционно возникновение социологии связывается со специфическим видом философии. Сегодня нередко уже социология выступает родовым понятием, а философия

¹ Лапин Н.И. Пути России: Социокультурные трансформации. М., 2000. С.18.

рассматривается как ее вид. Значит отношение «род – вид» может и должно развиваться. Проблема самоопределения социологии становится процессуальной, а самоопределение – развивающимся процессом. К пониманию самоопределения социологии как сложной проблемы добавляется идея проблемного поля. Проблема начинает осмысляться объемно и многоаспектно, что требует конкретного социологического содержания. На примере конкретных социологических проблем может быть показано методологическое, логическое и теоретическое богатство средств современной социологии. Иначе социология превращается в определенную иллюстрацию и пример для теоретико-методологических рассуждений¹.

Ориентир анализа самоопределения социологии – подход Бурдьё, представившего проблемное поле социологии как борьбу структуралистских и экзистенциальных представлений. Их описание ставит вопрос о возможности их синтеза: структурный экзистенциализм или экзистенциальный структурализм. Возможна и оригинальная теория габитуса, объединяющая экзистенциальность и структурность, понятия как его фокусы². Бурдьё представляет рационально-логический вариант решения проблемы, П.Монсон – чувственно-рациональный вариант («лодка на аллеях парка»). Их проекты объединяет идея взаимодействия противоречивых теорий и образов, идея интегративности как системы взаимодействия. Один из вариантов развивающейся классической социологии – социология жизни – может и должна выступить как интегративная концепция. Соединение противоборствующих теорий, мира повседневности, различных методологических программ в ней может быть осуществлено эффективно. Интересно предметное самоопределение «социологии повседневной жизни»: П.Бергер и Т.Лукман отметили двойное разделение предметного поля на эмпирическое и теоретическое, по субъекту – простой человек и теоретический интеллект. Объединяет это двойное деление концепция, противопоставляющая реальность повседневной жизни и реальность жизни вообще³. Ставится вопрос: может быть проблема не в логике, а в феноменологии? Рассматривая предметность жизни, можно говорить и о «двухуровневом» предмете, и о развивающейся предметности. Нам ближе второе, подчеркивающее процессуальность и жизни, и предметности. То, что для социологии повседневной жизни – теоретический уровень, для многих направлений теоретической социологии – исходный предмет. Сложные отношения «предмет–теория–метод» – разные уровни социологического знания приводили к непониманию между социологами (речь не о чьих-то ошибках, сказывается сложность процессуального самоопределения самой социологии).

Ориентация на развивающуюся предметность социологии – один из возможных путей упорядочивания проблемного поля её самоопределения. Как процесс самоопределение социологии не может восприниматься как окончательное. Идея развития, процессуальности предмета, теории и метода социологии – не веяние очередной моды, а необходимость. Целостный процесс самоопределения социологии не есть простая сумма предметного, теоретического и методологического самоопределения. Важно учитывать и их различия, и их сущностное единство. Предмет социологии не только предметен, он – специфичен. Бурдьё акцентирует проблему исторического изменения предметного самоопределения социологии: она не сможет предметно самоопределиваться, не учитывая предшествующие исторические формы своего предметного самоопределения. Актуальная форма предметного самоопределения зависит от форм и направлений социологии, особенно значимых для того или иного социолога. Определение предмета социологии зависит от трансцендентального отношения предмет –

¹ Как справедливо отмечает Н. Музелис, «социология может выжить и продемонстрировать свою значимость и ценность только тогда, когда будет способна внести свой вклад в понимание социальной жизни. Она должна служить ориентиром и обращаться ко всем социальным измерениям» (Цит. по: Култыгин В.П. Облик социального мира в современной социологической мысли // Социс. 2003. №2. С.9).

² «К сожалению, часто к моим разработкам применяют – и это главнейший источник всех недоразумений – те самые альтернативы, от которых понятие габитуса стремится отделиться, а именно, сознание и бессознательное, объяснение через детерминирующие или через конечные причины» (Бурдьё П. Начала. М.1994. С.23.)

³ «Среди множества реальностей существует одна, представляющая собой реальность *par excellence*. Это – реальность повседневной жизни. Ее привилегированное положение дает ей право называться высшей реальностью» (Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.1995. С.40).

социокультурные и исторические условия существования предмета. Социология фиксирует не только предмет, но и делает это в определенных социокультурных условиях. Появление новых методологических подходов и направлений в социологии отражает и специфические условия, и специфику самого субъекта. Историчность предметного самоопределения социологии связана с историческим изменением предмета, с различиями условий существования предмета и субъекта, который фиксирует изменения предмета и условий предмета. Взаимодействие социологии и феноменологии позволяет понять: внутреннее самоопределение социологии на всех уровнях сочетается с ее внешним взаимодействием. Возникает и проблема различного взаимодействия: социолога и другого ученого (субъектное) и социолога с разными теоретическими направлениями (субъектно-объектное). Способы их связи различны: функционально-ролевой, ситуационный, структурный и др. В концепции Бурдьё проблема представлена с помощью концепта «поле».

Предметное самоопределение социологии сегодня – переход от субъектно-предикативной к пропозиционально-функциональной форме. Предмет социологии становится функцией проблем, благодаря которым его пытаются определить. Основная проблема – соединение функционального и предикативного определения предмета социологии, понимание: предмет социологии – матричный предмет. Изучение сознания и самосознания людей о повседневной жизни – важная часть предмета социологии, но не предмет всей социологии. Проблема не в противопоставлении (как исходного предмета социологического анализа) изучения повседневной жизни изучению жизни общества в целом, а в анализе этих уровней предметности социологии как разных, в понимании, что они не могут изучаться одинаково. В социологии жизни нужно говорить о разных преобразованиях, когда переходят с одного уровня предметности (жизнь общества) на другой (повседневная жизнь рядового члена общества). Бурдьё предложен один из возможных вариантов такого перехода¹. Можно согласиться с его пониманием: социология – это не позиция, а набор позиций, не столько «точка зрения», сколько поле. Но его концепции не хватает связи (композиции – позиции и оппозиции) как форм представленности социологов, взаимодействия разных точек зрения, что позволяло бы представить социологию как многопозиционную науку. В социологическом поле можно рассматривать и выделять социологический аспект в творчестве мыслителей, не являющимися социологами по профессии. Оптимален для современной социологии подход, наиболее ярко выраженный Ж.Т. Тощенко: «В современном мире происходит рост роли и значения субъективного фактора, что не может не влиять на базовые понятия социологической науки. Вместе с тем, проблема понятий тесно связана с поиском ответа на вопрос: существует ли единая социологическая теория или их много? Если их много (что, на наш взгляд, хорошо), то встает вопрос о том, как использовать эти понятия»². Такой интегративный подход позволяет показать: две (как минимум) противоречащие друг другу теории могут по-разному взаимодействовать – дополняя или в каких-то проблемах снимая друг друга, восполняя и синтезируя друг друга. Это – ориентир нашего анализа разных социологических теорий призвания. Проблема призвания – одна из социологических проблем, конкретизирующая разные варианты этих отношений. Её специфическая особенность – она не только предмет социологического исследования, но и способ существования самого социолога.

В **главе 1.2. Призвание – предметное поле и основные аспекты анализа** рассматривается сущность социологической категории «призвание». М.Вебер ввел проблематику «призвания» в социологическую науку и придал понятию «призвание» статус социологической категории³. На примере понятия «призвания» он показал богатейшие возможности лингво-

¹ «Из оппозиций, искусственно делящих социальные науки, самой фундаментальной и самой губительной является та, что противопоставляет субъективизм объективизму» (Бурдьё П. Практический смысл. СПб. 2001. с.49).

² Тощенко Ж.Т. О понятийном аппарате социологии // Социс. 2002. №9. С.5.

³ В «Протестантской этике и духе капитализма» Вебер, отталкиваясь от использования Лютером понятия в переводе Библии, социологически рассматривает концепцию призвания у Лютера, что вырастает в целостную социологическую концепцию в его работах о политике и науке как призвании и профессии.

семантического анализа социологических категорий, раскрыл исторические корни становления и обогащения данного понятия: первоначальный конкретно-функциональный смысл (функции, занятия священнослужителей, ремесленников, чиновников) – обобщение (соотнесение с любой профессиональной деятельностью) – содержательная линия развития (от «задания» – к «предназначенному», «указанному», к «предназначению», «назначению»; от «исполнения Божьих заветов – к «обязанности вообще»); утрата религиозной окраски, соотнесение с мирским существованием. Важен с социологической точки зрения акцент Вебера на раздвоение смысла понятия «призвание» – внешнее (занятие, профессия, ремесло, социальное положение) и внутреннее («призвание к чему-нибудь»; реализация обязанностей, предписанных призванием человека; выбор профессии). Предметное поле призвания очерчено его семантическими значениями в современных языках. В современной социологии наряду с призванием (или вместо него) употребляются репутация, мастерство, миссия, престиж, стремление следовать своим склонностям, назначение, предназначение и т.д. Реже выделяется социологическая специфика призвания. Многозначность этого понятия определяет многоаспектность анализа проблемы призвания в современной социологии, но нередко социологическое исследование призвания не сопровождается его эмпирической интерпретацией.

Сегодня все более осознается сложность определения призвания. Оно существует функционально на пересечении разных представлений и самооценок. Рассматривается ряд форм и видов призвания. Современные социологи при анализе этой проблемы должны задействовать весь арсенал социологических средств, применение которых в единстве и покажет предметное поле призвания. Это наталкивается на трудности – наличие многообразия именно социологических подходов (институциональный, структурный, деятельностный, социально-ролевой, системный, функциональный и т.д.). Социологическая категория «призвание» позволяет объединить богатство этих подходов в социологической теории призвания.

Исследование разных аспектов категории призвания выявило её многосторонность:

- взаимодействие интересов личности и общества в осуществлении профессиональной деятельности; взаимосвязь и дополнительность индивидуального и социального призвания;
- встреча рациональности и иррациональности в человеческой деятельности. Рациональное в деятельности индивида отличается от социальной рациональности (наука противопоставляется другим формам общественного сознания). Иррациональность не только противостоит рациональности, она по-разному соотносится с индивидуальной и социальной рациональностью. Проблема субъективности, объединяющая рациональные и иррациональные аспекты выводит на принцип авторства, без которого невозможна социологическая теория призвания;
- способность полностью отдаваться деятельности в рамках своей профессии. Важно подчеркнуть диалектику деятельности, субъекта деятельности и результата: самоотдача (как субъектная характеристика) отличается от отдачи, которая фиксируется по-разному – как процесс и результат деятельности. Возможно понимание «отдачи» как развивающейся сферы мотивации человеческой деятельности, кроме предметных характеристик деятельности, появляется проблема её смысла. Цель и смысл совпадают только на уровне целерациональной деятельности, в других видах это тождество оказывается различием вплоть до противоречия;
- «встреча» деятельности и профессии, специфическая связь между деятельностью вообще и определенными ее видами. Понимание этой связи обществом и личностью могут не совпадать. Отсюда возможность появления непризнанных гениев, дутых авторитетов и т.д.;
- соединение «склонности» и «предназначения», связанных с заданностью, призвание не только дано, но и задано. В свою очередь, заданность связана с идеей избранности¹;
- различие коллективных «образцов» и индивидуального стиля поведения. Объектом социологического анализа призвания могут выступать отдельные индивиды и большие социально-профессиональные группы. В отношении групп сомнений в социологичности исследо-

¹ «Длительный диалектический процесс, описываемый часто как «призвание»: когда человек «подделывается» под то, для чего он «сделан», когда он «выбирает» то, для чего он «избран», по истечении которого различные поля обеспечивают агентов габитусом, необходимым для их правильного функционирования» (Бурдьё П. Практический смысл. М. 2001. с.130).

вания не высказывается, анализ призвания конкретной личности далеко не всегда получает статус социологического. Вебер удачно соединил эти уровни, применив социологическую концепцию призвания к анализу призвания конкретной личности – М. Лютера;

- объединение «выразительности» и «содержательности». Понятие призвание есть содержательная форма. Призвание как деятельность есть выразительная форма. В обоих случаях важно различать субъективные и объективные моменты призвания и понятия призвания¹;
- различие субъективного призвания и объективной признанности. Феномен «призвания» – пример социологической проблемы, где пересекаются субъективные представления и объективные оценки. Две пограничные ситуации максимально проясняют суть дела: субъективные представления кем-то, не подкрепленные объективными факторами; форма объективного признания и отказ личности играть навязываемую ему роль. Обе эти ситуации хорошо проанализированы в психологии, но им не хватает социологического контекста;
- способ связи между социальным статусом и социальной ролью. Призвание есть не статус или роль, а способ связи между ними. Соединение социально-ролевого подхода со структурно-функциональным осуществляется за счет понимания центральности профессионального статуса. Проблематика трансформации общества актуализирует и проблему социальной статистики, превращая ее из исходного момента социологического описания в «место встречи» различных социологических концепций. Очевидно, что кроме классической проблемы – отношения социальной статистики и социальной динамики, возникают проблемы – неоднозначной трактовки социальной статистики как ситуации социального равновесия, **ста(тической) мобильности** и как ситуаций социальной равновероятности и социальной равносильности;
- единство всеобщности, особенности и единичности. Проблема возможного переноса индивидуальных характеристик призвания (например, Лютера) на представителей других профессий связана с соотношением аналогии и гомологии, различием примера-иллюстрации и примера-образца. Социологически оценивая результаты дискуссии в феноменологии и философии жизни, отметим неправомерность сведения аналогии к исследованию текущих процессов, а гомологии – к пониманию вечных, неизменных процессов. Надо исходить из отношения «время – вечность», рассматривая темпоральность как их неразрывное единство;
- единство призвания, обстоятельств и случая. Х. Ортега-и-Гассет разграничивал «роговую оболочку подлинной жизни, ее вид извне» (лежащие на поверхности даты) и подлинную жизнь (когда «человек бьется и борется, стремясь утвердить в данном ему от рождения мире свое воображаемое, подлинное «я», «воплощая единственный и неповторимый образ человека, особую жизненную программу», призвание). Призвание неразрывно связано с обстоятельствами, содействующими или мешающими ему. Но значима и «иррациональная сила» – «случай»². Концепция призвания (индивидуальному призванию нужна социальная поддержка, социальное призвание – быть индивидуально выражено) дополняется Ортегой опосредствующим звеном – поколением. Уточняется субъект призвания: индивид – поколение – массы.

Для эмпирической интерпретации понятия «призвание» предложено определение: призвание – качественная характеристика деятельности личности, общности, поколения, общества, выражающаяся – рационально или иррационально – в осмыслении необходимости (как единство социальных интересов и потребностей, склонностей), готовности заниматься той или иной профессиональной деятельностью и в выборе реальных профессиональных ролей,

¹ «Столь привычное для нас теперь, а по существу отнюдь не само собой разумеющееся представление о профессиональном долге, об обязательствах, которые каждый человек должен ощущать и ощущает по отношению к своей «профессиональной» деятельности, в чем бы она не заключалась и независимо от того, воспринимается ли она индивидом как использование его рабочей силы или его имущества (в качестве «капитала»), – это представление характерно для «социальной этики» капиталистической культуры, а в известном смысле имеет для нее и конститутивное значение» (Вебер М. Избранные произведения. М.1990. С.76).

² «Жизнь любого человека можно условно свести к трем основным факторам: призванию, обстоятельствам и случаю. Написать биографию человека – значит отыскать равнодействующую трех сил. При всей иррациональности случая, в точно выстроенной биографии всегда отличишь, какие события и свойства вносит в нее случай, а какие – нет, и насколько глубоко его вмешательство» (Ортега-и-Гассет Х. Этюды об Испании. Киев. 1994. С.187-189).

статусов и институциональных позиций.

В разделе II «**Призвание в историко-социологическом контексте**» исследуется процесс становления и развития социологической концепции «призвания» в исторической перспективе. Речь идет не об охвате всего многообразия идей и взглядов социологов, участвовавших в обсуждении этой проблемы на разных этапах истории социологии, а лишь о тех, кто внес наибольший вклад в становление и развитие социологической концепции «призвания».

В **главе 2.1. Концепция «призвания» в социологии М.Вебера** выявляются основные параметры этой концепции. Вебер был первым социологом, в чьем творчестве «призвание» стало одним из наиболее важных теоретических понятий. Работы о призвании – постоянный лейтмотив его социологических размышлений. Фиксируя различие долга, возможности и желания, Вебер объединяет их: они все вместе противостоят необходимости, понятой как причинный переход от настоящего к будущему. Проблема времени (единство объективности и деятельности) становится ключевой, связь «есть»–«будет» многозначной. Концепция «идеального типа» помогает понять это многообразие. Видоизменяется социологическая концепция темпоральности: время рассматривается в единстве с вечностью. Для Вебера связь времени и Вечности носит ценностную окраску. Интерес к проблеме ценности во многом объясняется специфическим пониманием научного познания. Научное познание понимает будущее как состояние настоящего, теория ценности пытается понять будущее само по себе. Вебер противопоставляет традиции и новации: то, что не изменяется, традиционно; обновление требует изменения. Вводя понятие призвания, Вебер ищет ответ на вопрос: «Как выросший в католической культуре и добившийся в ней определенного статуса Лютер совершает действия, которые: видоизменяют западное христианство; вводят новую доктрину – протестантизм; создают новую форму организации верующих – протестантскую церковь?» Если бы это касалось внутренней проблемы одного человека, вряд ли был бы необходим социологический анализ. Но действия Лютера выражали общественные потребности. И это отличает проблему призвания от понятия призвания. Вебера интересует не изменение само по себе, а его способы. Рассматривая человеческие способности (чувство, разум и веру), различая привычку, эмоцию, ценность и цель, он справедливо подчеркивает их разную процессуальность. В итоге получается модель деятельности (целерациональная, аффективная, традиционная, ценностно-рациональная). Это позволяет разграничить реальные модели: есть все эти виды; определяющими являются разные моменты человеческой деятельности; каждый момент целостной деятельности будет выступать как обособленное системное образование.

Виды деятельности Вебер соотносил со способами «господства», разграничивая «идеальные типы» лидера: «авторитет «вечно вчерашнего»; авторитет внеобыденного личного дара (*харизма*); «господство в силу «легальности»¹. С харизматическим лидером и связывается «мысль о призвании в его высшем выражении». Призвание подчеркивает целостность внутренней и внешней сторон: призвание харизматического лидера неотделимо от подчинения ему, основанного не на обычае или законе, а на доверии. Отмечается ответственность выбравшего свое призвание лидера, «отклонить которую или сбросить её с себя он не может и не имеет права»². Харизматический лидер – противоречивое единство аффекта и ценности (относимой к сфере рациональности, но отличной от цели). Понятие призвания (внутреннее ядро «харизмы») есть единство чувственно-эмоционального и рационального уровня.

Вебер ставит и по-своему решает непростую для ученого-социолога задачу. Понятие «призвания» рассматривается: конкретно-исторически, связывается с определенным источником возникновения, берется как принадлежность целостному человеку и реализуется в человеческой деятельности. Все эти моменты в социологии Вебера взаимосвязаны, но не присутствуют в эксплицированном виде. Важная задача исследователя творчества Вебера пока-

¹ Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С.628, 647.

² «Преданность харизме ... как раз и означает, что человек подобного типа считается внутренне «призванным» руководителем людей, что последние подчиняются ему не в силу обычая или установления, но потому, что верят в него» (Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 647).

зять эту взаимосвязь¹. Вебер - в отличие от Фихте – не считает, что полноценность человека в обществе олицетворяет только ученый. Это – одна из важных, но не исключительная сфера профессиональной деятельности. Для Фихте ученый – субъект, Вебер рассматривает его более функционально. Отсюда – внимание к разделению труда ученых. Понимая субъективное призвание как назначение, Вебер акцентирует и внутреннюю устремленность, страсть². Но подчеркивается и объективный момент: вера становится деятельной верой, а призвание – действенным призванием. Социологически интересна интерпретация Вебером проблем ценности и оценки, играющим важную роль в теории призвания. «Аксиологический поворот» четко сформулирован в философии второй половины XIX в. (по Ницше: «Переоценка всех ценностей»). Но в социологии ценностная проблематика появляется не только как применение общеметодологических изменений.

В главе 2. 2. Понимание «призвания» в социологии Э.Дюркгейма выявляется специфика его подхода к проблеме³. Важна его идея профессиональной этики. Профессиональность трактуется как определенный вид деятельности и как разные типы социальных отношений (с ярко выраженным индивидуальным или коллективным характером): не только деятельность – профессия, но и отношения деятеля с другими профессиональны. На пересечении этих проблем (профессия – деятельность; профессиональность отношений) возникает проблема призвания. Дюркгейм ставит проблему «аномия – закон». И сразу возникает проблема технологичности (или ее отсутствия) в отношениях между людьми⁴. Противопоставление образца и индивидуальной свободы, критикуемое Дюркгеймом, акцентирует: ни одна профессиональная деятельность не начинается с «нуля». При встрече индивида с социальным институтом возникает необходимость его знакомства с нормами института, опасность подавления ими творческой индивидуальности. Беспокойство, зафиксированное Дюркгеймом, связано с тем, что социальные образцы или игнорируются (анархизм), или хаотичны (аномия). А они нуждаются в регламентации. Эти справедливые идеи необходимо дополнить проблемой изменения социальных образцов⁵. Существенно разведение привычки и обязанности: тут в скрытом виде находится проблема различия между возможностью, желанием и долгом, которая ставится социологически⁶. Выделение отношения индивид – группа (общество) и анализ воздействия группы на индивида должно учитывать и обратный процесс – влияния индивида на общество. Призвание в трактовке Дюркгейма может быть понято как связь между индивидом и группой, с акцентом на группе⁷. Индивид входит в несколько разных групп, и может оказаться: то, что в одной – норма, в другой – нарушение правил. Получается: призвание есть деятельность, которая противоречит одним коллективным представлениям и одновременно является основанием новых коллективных представлений. Призвание – по Дюркгейму (исходя из идеи социального факта) – необходимо изучать не как интроспекцию инди-

¹ «Новым является не только значение данного слова, нова ... и сама *идея*, созданная Реформацией. Безусловно, новым было, однако, следующее: в этом понятии заключена оценка, согласно которой выполнение долга в рамках мирской профессии рассматривается как наивысшая задача нравственной жизни человека» (Там же. С.97).

² «Без страстного упоения, вызывающего улыбку у всякого постороннего человека, без страсти и убежденности ... человек не имеет призвания к науке, и пусть он занимается чем-нибудь другим. Ибо для человека не имеет никакой цены то, что он не может делать со страстью» (Там же. С.708-709).

³ Даже на уровне термина многое зависит от перевода. Одно из его произведений: «Социология. Ее предмет, метод, предназначение» (М., 1995). Но предназначение = призвание!

⁴ «Свобода (мы имеем в виду настоящую свободу, уважение к которой общество обязано обеспечить) сама есть продукт регламентации» (Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение. М., 1995. С.7).

⁵ «Образец – не только привычный способ действия; это *обязательный способ действия*, в какой-то мере неподвластный индивидуальному произволу» (Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.1991. С.8).

⁶ «Но только сформированное общество пользуется моральным и материальным превосходством, необходимым для того, чтобы иметь силу закона для индивидов, так как единственной нравственной личностью, находящейся над отдельными индивидами, является та, что образована группой» (Там же. С.8-9).

⁷ «В нас есть два сознания: одно содержит только состояния, свойственные лично каждому из нас и отличающее нас, тогда как состояния, охватываемые вторым, - общи для всей группы... Когда наше поведение определяется каким-то элементом последнего, мы действуем не из нашего личного интереса, а преследуем коллективные цели» (Там же. С.104-105).

видуального сознания, а внешним способом. Призвание как социальный факт имеет полюс «фактичности» (противопоставляет «идею и вещь») и полюс «социальности» (противопоставляет «индивидуальное – социальному»). Дюркгейм согласен с Тардом в трактовке воздействия на индивида, но говорит не о подражании, а о принуждении. Развивая этот подход можно выделить поддержку как аспект призвания¹. Понимание солидарности (движущаяся сила поведения) позволяет соотнести концепцию призвания с разными теориями поведения. В контексте методологии Дюркгейма ключевым становится понимание единства солидарности и разделения труда. Именно это соотношение обогащает теорию призвания². Заслуга Дюркгейма – акцент на «подходимости занятия», что субъективно конкретизирует отношение «разделение труда – солидарность – поддержка», объективно различает механическую и органическую форму солидарности, являясь способом развития профессионального призвания. Такое понимание призвания особую значимость придает разграничению типов социальной солидарности (механическая и органическая, соотносимые с меньшей или большей степенью социальной дифференциации). Утрачивает значение абстрактное (общекультурное) понимание призвания, когда «совершенным человеком» «казался тот, кто, умеет интересоваться всем и не привязывается ни к чему исключительно». Дюркгейм критически относится (у него сказано «крепче» - «не доверяем», «испытываем неприязнь», это – «нечто антисоциальное») к «дилетантизму». Дилетантам Дюркгейм противопоставлял «компетентных людей»³. Он обосновывал современный категорический императив: «сделай себя способным с пользой осуществлять определенную функцию». Но это только одна сторона, которая в своем развитии приведет к тому, что «ремесло прогрессирует, а ремесленник регрессирует». Противопоставив дилетантизм и компетентность, Дюркгейм акцентировал профессионализм как важное качество призвания и развил функционально-ролевой подход к «призванию».

В главе 2.3. Проблема призвания в социологической концепции П. Бурдьё на конкретном примере рассматривается дальнейшее развитие идей и проблематики социологической теории «призвания» классиков социологии в работах современных социологов. В них отразилось изменение не только проблематики призвания, но и социальной реальности – современного мира. Концепция призвания Бурдьё опирается на переосмыслении сущности и роли современной социологии, понимаемой как социальная топология (с ключевыми понятиями поля, социального пространства, с соотнесением социальных субъектов с их позициями в этом пространстве)⁴. Проблема призвания у Бурдьё ставится достаточно конкретно как призвание ученого, социолога – в ракурсе необходимого включения каждого в существующее (до и независимо от него) интеллектуальное поле социологии⁵. На примере социального ученого, социолога Бурдьё показывает многогранность призвания: намерения личности заниматься определенной деятельностью, исполнение долга и ответственности – в научном, этическом и политическом плане. Такая постановка проблемы призвания позволяет современной социологии двигаться в разных направлениях: Кто такой социолог? Чистый ученый? Пророк? Человек, примиряющий эти крайние позиции? Соединяются ли в его деятельности (и как?) теоретические и практические интенции? Как социолог, осмысляя свое призвание, осваивает существующее интеллектуальное поле, выступающее и субъектно, и функционально? Как включаясь в существующее поле социологии, он понимает свои задачи и реали-

¹ «Чем более солидарны члены общества, тем более *поддерживают* они разнообразные отношения как друг с другом, так и с группой в целом; если бы их встречи были редки, они зависели бы друг от друга незначительно и непостоянно». (Там же. С.66).

² «Чтобы разделение труда производило солидарность, - пишет французский социолог, - недостаточно того, чтобы каждый имел свое занятие; необходимо еще, чтобы это занятие ему подходило» (Там же. С.348).

³ Дилетанты – люди, «единственная забота которых – сформировать и усовершенствовать все свои способности, однако, определенно никак не используя их и не жертвуя ни одной из них». «Компетентный человек» «не стремится быть всесторонним, но производит», «имеет свою ограниченную задачу и посвящает себя ей», «делает свое дело, оставляет свой след» (Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.1991.С.46-47).

⁴ Бурдьё П. Социальное пространство и генезис «классов» // Вопросы социологии.1992. т.1. С.17, 20-22.

⁵ Бурдьё П. Практический смысл. СПб.,1995. С.8.

зует долг – общественный и исследовательский? Как это связано с его намерениями и желаниями? На основе разных ответов на эти вопросы можно построить своеобразную матрицу призвания, по Бурдьё, где в рамках исследовательского поля объединяются: субъект деятельности, его назначение (призвание в социальной жизни), его профессиональный и социальный долг и ответственность. Эта матрица может быть реализована и в других сферах профессиональной деятельности. Плодотворно и стремление Бурдьё исследовать разнообразные механизмы реализации призвания в интеллектуальном поле. Он отличает общее призвание (выбор определенного направления, школы) от индивидуального призвания (ретрансляция общего круга идей и одновременно обогащение его «личными идеями»). Призвание, по Бурдьё, - не только деятельностная форма, но и индивидуальная, личностная характеристика. Эта идея весьма плодотворна для социологической концепции призвания: имена некоторых ученых, поэтов, художников и т.д. являются обозначением самой деятельности.

Введение Бурдьё ключевого понятия «габитус» (как формы снятия противоположностей между структурами и практикой) позволяет показать возможное взаимодействие теории габитуса и социологической концепции призвания. Если среди наблюдателей признание связано со статусом (достаточно высокая позиция в социальной структуре), то для тех, за кем он наблюдает, – с исполнением роли. Парные социологические категории («статус» и «роль») разводятся по разные стороны субъектно–объектного отношения. Среди наблюдателей идет борьба за статус лучшего наблюдателя, что является субъективным полюсом данной позиции; борьба «актеров» за лучшее исполнение роли – объективный полюс данной позиции.

В **главе 2.4. Проблема призвания в творчестве Л.Н. Когана** конкретизируется и персонафицируется вклад отечественной науки в развитие социологической концепции призвания. В трактовке Когана признание – оптимистическая концепция. Но его оптимизм не столько теоретический, сколько практический: признание, которое осуществляется, – актуально, гуманистично, реально, ответственно, судьбоносно и осмысленно. Отсюда пристальное внимание к переходным – «антиномичным – эпохам, периодам (осмысленным им и применительно к своему времени, и к временам Шекспира и Сервантеса), когда меняется «весь образ жизни общества – не только содержание мышления, но и его стиль», формируется «принципиально новый тип личности», совершается «грандиозный переход от культуры традиционной к новому типу культуры», происходит «сложное и мучительное становление личности как индивидуальности»¹. В социологическом анализе Когана развита и соотнесена с судьбой каждой личности идея Ортеги о единстве призвания, обстоятельств и событий (случайности).

В работах Л.Н. Когана исследована – в рамках теории личности – диалектика «индивидуального и социального» призвания. Анализ понятия «социальные силы личности» позволил понять признание как сущностную силу². Важнейший момент его позиции – различение субъективного представления человека о своем призвании и объективной оценки этого призвания. Пересечение субъективности и объективности в таком контексте определяет признание как социальную проблему, связанную с представлениями, мнениями, оценками и знаниями. Признание, понятое как социальная потенция субъекта, объединяет два круга проблем: возможность – действительность – необходимость; социальное и индивидуальное. Необходимо говорить об индивидуальном потенциале личности, но возможен он только в обществе. Возможно рассматривать социальные потенции, но реализуются они индивидуально.

Самое интересное для понимания призвания в концепции Когана – выявление специфики призвания как социального потенциала. Наиболее операционально в социологической теории это осуществимо через категории «цель» и «смысл». С позиций цели и смысла признание как социальный потенциал есть максимальная цель конкретной деятельности в данных социальных условиях. Это – «цель», понятая как единство нормы и образца. Важнейший фактор понимания призвания в трактовке Когана – реализация цели, которую нужно понять как единство реалистичности (цели не должны отрываться от реальности, превращаться в утопический идеал) и осуществленности (без реализации потенциальная сфера остается тео-

¹ См.: Коган Л.Н. Философия: серьезная и веселая. Челябинск, 1996. С.6-7

² Коган Л.Н. Цель и смысл жизни человека. М.1984. С.17

ретичной и не имеет критерия истинности). Соединение реалистичности и осуществленности конкретизирует максимальную цель. Максимум выступает как мера, соединяющая в себе различные процессы. С точки зрения диалектики индивидуальности и социальности, по мнению Когана, мера показывает, что «социальные, сущностные силы представляют собой продукт общественного развития, а не от века заложенные в «человеческую природу» родовые силы». «Цель» выражает единство способностей, потребностей, рациональности (знания, умения, навыки) и чувственности.

Соединение субъектных и целевых характеристик позволяет рассматривать призвание как процесс присвоения общественных отношений, а «сущностные силы человека» как меру его социальной активности. Тем самым, мера не есть застывший результат. Развивающаяся мера отражает диалектику «нормы» и «образца». Мера как «норма» - «статическая характеристика», необходимое основание призвания в конкретной деятельности. Без овладения предшествующими результатами нельзя нормально осуществлять профессиональную деятельность. Мера как «образец», «динамическая характеристика» есть не только развитие призвания как сущностной силы. Она всегда исторична и обладает спецификой (целостность, универсальность и гармоничность). В своем единстве эти характеристики позволяют говорить о призвании не только как о социальном качестве, но и как отношении, пронизывающем все виды и типы человеческой деятельности¹. В одном случае (профессиональная специализация) призвание рассматривается как социальное качество, в другом (расширение творческого диапазона личности) – как социальное отношение, свойственное всем видам человеческой деятельности. Тем самым, существенно корректируется позиция Дюркгейма, противопоставлявшего дилетантизм и профессионализм, но отождествлявшего дилетантизм с любой всесторонностью. Позиция Когана противостояла и официальной установке на «всестороннее развитие личности» (её акцент: всесторонность = всеохватность = разнонаправленность).

В своем единстве мера – способ соединения «нормы» и «образца». Это характеризует направленность процесса призвания (от «нормы» к «образцу»), его масштабность, единицей которого и выступает отношение «нормы и образца». Без «нормы» «образец» превращается в иллюзию, утопию или фантазию. Без «образца» «норма» является только застывшей формой и не позволяет понять процесс развития личности и общества.

Рассмотренные в единстве социальный потенциал, его реализация, направленность и масштаб отражают важную особенность процесса призвания – самореализация и самоутверждение личности. Созвучна с этим идея Г.П.Орлова о культуре досуга, подчеркивавшая необходимость для личности найти свое призвание и самореализоваться не только в труде, но и в досуге. Жизнь человека в теории самореализации понимается как развивающаяся, активная позиция. Призвание – и результат (позиция), и развивающийся процесс (жизненный путь и судьба). Жизненный путь человека понимается как реализация жизненных планов². Соединение разных аспектов предметных и процессуальных характеристик жизни позволили Когану определить призвание личности³.

В разделе III. «Развитие деятельного подхода М. Вебера в современной социологии и обогащение концепции призвания» проблема призвания конкретизируется с позиций деятельностного подхода, раскрывается её взаимосвязь с деятельностью. Основное направление анализа – не от призвания к деятельности, а от деятельности – к призванию. Отталкиваясь от

¹. «Нет необходимости для противопоставления профессиональной специализации и расширения диапазона способностей и творческих возможностей личности» (Коган Л.Н. Цель и смысл жизни человека. М. 1984. С.51).

² «Жизненные планы нужны человеку не только для того, чтобы определить стержневую линию жизни, но и как средство самовоспитания – для борьбы с собственной ленью, бесполезным разбазариванием времени, сил, талантов, для выработки силы воли, принципиальности, смелости и т.д. в этом состоит непреходящая ценность жизненных планов» ((Коган Л.Н. Цель и смысл жизни человека. М. 1984. С.184).

³ «Призвание личности – её стратегическая жизненная цель, единство желаемого и должного – лежит в центре внутреннего мира, «стягивая» все основные устремления личности. Призвание в этом смысле и есть судьба. Если человек находит свое призвание, реальную жизненную цель, он действительно творит собственную жизнь» (Там же).

классических идей, обогащая эти идеи на основе современных философско-социологических дискуссий, мы, тем самым, стремимся развить социологическую концепцию призвания.

В главе 3.1. Призвание и деятельность развитие социологической концепции призвания с позиций деятельностного подхода соотносится с современным пониманием самой деятельности и анализом единства различных форм и видов социальной деятельности.

Сегодня социология изменилась - и как деятельность, и как социальный институт. По Веберу, «социология есть наука, стремящаяся, истолковывая понять социальное действие и тем самым каузально объяснить его процесс и воздействие». Уже сам Вебер задавал возможность изменения своей концепции: исследование «Как изменяются виды социального действия»¹.

Одна из заслуг Вебера – утверждение необходимости единства субъективности (деятель), процессуальности (деятельность) и предметности (результат). При этом разграничивались субъектно-процессуальная (деятель – деятельность), субъектно-предметная (деятель – результат деятельности) и предметно-процессуальная (деятельность – результат деятельности) формы деятельности. Рассмотренные обособленно, они дают богатейшие результаты, которые одновременно противоречат друг другу.

Анализ призвания в структуре целостной человеческой деятельности связан не только с проблемой целостности, но и с видами социального действия. Если концепцию призвания соотносить с традиционной, аффектационной, ценностнорациональной и целерациональной деятельностью, то она по-разному будет раскрывать свои специфические закономерности.

На ряд теоретико-методологических проблем наталкивается уже социологический анализ субъектно-процессуальной формы (деятель – деятельность): несовпадение разума и рассудка, разграничение индивидуальных и социальных чувств, воли и разума. Сложна и традиционная деятельность: есть ведь традиционные чувства, традиционные ценности и традиционные цели. Если традиции связаны с чувственной сферой, их невозможно преодолеть никакой рациональной схемой, но можно изменить в чувственной же сфере.

Рассмотрение социологической проблемы призвания с позиции ценностнорациональной деятельности позволяет не только развивать дальше методологические принципы социологии Вебера. Один из возможных вариантов эвристического применения социологических средств в этом направлении – использование идей П. Сорокина (значения, нормы и ценности как специфические факторы социокультурных явлений). Это позволяет рассмотреть феномен призвания не только как ценность, но одновременно как значение и норму.

Социологический подход к целостной аффектационной деятельности разграничивает: традиционную аффектационную деятельность (совпадение «индивидуального и социального» в данный момент и в данном месте); аффектационную деятельность, по тем или иным законам соприкасающейся со сферой рациональности (Вебер различал взаимоотношения аффектационной деятельности с ценностью и целью); специфические законы изменения самой аффектационной деятельности (какие-то наши чувства «притупляются» и становятся традиционной формой восприятия, а какие-то, наоборот, развиваются). Развитие в современной социологии представлений об аффектационной деятельности (и – на этой основе – о призвании) идет по линии: выделяя специфику аффектационной деятельности, социология одновременно углубляет рационализм. При этом разграничиваются чувственность (в основе лежит предметное чувство) и эмоциональность (в основе – переживание). Трагедия классического рационализма во многом определяется индивидуалистическим подходом к человеческим чувствам, страстям и эмоциям, хотя он и был - в историческом контексте – выдающимся достижением по сравнению с предшествующими эпохами развития.

Социологически важно понять социальную аффектационную деятельность: и как условие, которое мотивирует, организует, направляет и т.д., и как саму деятельность. Такой подход

¹ «Действие, особенно социальное, очень редко ориентировано только на тот или иной тип рациональности, и самая эта классификация, конечно, не исчерпывает типы ориентаций действия; они являют собой созданные для социологического исследования понятийно чистые типы, к которым в большей или меньшей степени приближается реальное поведение, или ... из которых оно состоит. Для нас доказательством их целесообразности может служить только результат исследования» (Вебер М. Избранные работы. М. 1990. С. 630).

направлен и против Гегеля (постоянное присутствие аффективности), и против индивидуализма романтиков (развивающиеся социальные аффекты), одновременно развивая и гегелевский рационализм, и романтическую эмоциональность. Рассматривая чувственность как человеческую деятельность, социология подчеркивает единство «социального и индивидуального» в чувственно-эмоциональной сфере. Там, где это единство превращается в тождество, можно говорить о традиционной аффектационной деятельности. Проблема «социального и индивидуального» в аффективной деятельности не только различает индивидуальное и социальное чувства. И социальное, и индивидуальное - одновременно - выступают необходимыми «моментами» самой чувственной деятельности.

В методологии Вебера важно различение «идеального типа» и «правильного типа». Отношение между ними зависит от «отнесения к ценности»¹. Только ценностная система позволяет говорить о конкретном соотношении «нормы (правила) и идеала». Средства и цели деятельности могут быть связаны по-разному. Вебер выделял такие способы связи: привычки, чувства, ценности и разум. Дальнейшее развитие концепции социального действия определяется и способом связи «средства и цели». Цель может пониматься как традиционная, интуитивная, эмоциональная, ценностная и рациональная цель, каждая из которых разными способами связана со средствами. То же самое можно сказать и о ценностях. Для объяснения разных способов связи «цели и средств», «правильный» тип – адекватной целерациональности – выступает «масштабом» не только понимания, но и объяснения. Аффектационную деятельность надо рассматривать и как «результат», и процессуально. Выявится, что в различные исторические эпохи существовали различные формы аффектационной деятельности. Человеческие чувства и эмоции развиваются не только как необходимые границы рациональной деятельности, но и по своим собственным законам. На осмысление призвания конкретно влияет то или иное эмоциональное настроение². Привычные социальные практики нужно понимать как традиционную деятельность, связанную с аффектами. Целостная аффектационная деятельность есть (как и рациональная деятельность) единство привычного (традиционного) аффектационного поведения и изменения этого поведения. Изменение и разрушение этих форм социальных практик (а не изменение социальных практик, как таковых) и вызывает «эмоциональный всплеск». Эмоциональное состояние людей зависит не столько от той или иной теории, сколько от «мира повседневности». Наконец, есть разные формы изменения аффектационной деятельности. Их характер и направленность зависит от отношения к привычному аффектационному поведению. Если привычное эмоциональное состояние можно разрушать, то можно и не разрушать, а действительно преобразовывать.

В данном контексте интересна не сама аффектационная деятельность, а ее связь с проблемой «харизматического» лидера, в которой наиболее существенно проявляется призвание. Социолог перестает быть только наблюдателем за изменением эмоционального состояния общества, одновременно дает и диагноз, и прогноз: констатация наличного эмоционального состояния общества (в единстве традиционных и новых аффектационных действий) позволяет понять ближайшие и отдаленные формы развития социальных настроений. У этих настроений есть своя логика развития, но она - не рациональная (*не только* рациональная) логика. Для социологии XX в. (в частности для Вебера) изучение аффектационной деятельности и «харизмы» были двумя типами исследования, для современной социологической теории призвания – это одно исследование, которое нужно дополнить анализом ценностнорациональной деятельности, ибо проблема «харизмы» связана не с аффектационной и ценностнорациональной деятельностью самих по себе, а с их единством.

Одна из современных проблем такова: то, что Вебер справедливо считал моделью целерациональной деятельности, становится вариантом традиционной деятельности. Изменяется и рациональность (что более или менее признается), и традиционность (что выглядит проти-

¹ «В какой мере именно правильный тип оказывается целесообразным в качестве идеального типа, зависит только от отнесения к ценности» (Вебер М. Избранные произведения. М.1990. С.506).

² «Видимо, социальное настроение, эмоции и чувства людей, обостренные до крайней степени, стали сегодня горячей точкой социологии» Добренков В.И., Кравченко А.И. Фундаментальная социология. Т.1.М.2003.С.88.

воречием). «Крайние полюса» веберовской концепции социального действия видоизменяются в историческом контексте. Отсюда следует: социология должна показать содержательные и формальные изменения «идеальных типов» социального действия. Вебер, - подчеркивает П.П.Гайденко, - «берет в качестве исходной категории тот идеальный случай действия, когда оно не может быть расщеплено на две разные реальности – смысловую и психическую, когда цель действия и цель действующего не расходятся между собой»¹. Сегодня можно сказать: в XXI в. изменяется сам идеальный случай действия. Совпадение цели действия и цели деятеля есть частный, идеальный случай, осуществляемый в определенных условиях. В других условиях (что и подлежит социологическому исследованию) можно зафиксировать отсутствие совпадения между двумя видами цели. В рамках социологического понимания «цели» отметим: цель остается базовым понятием, оно является не простым, а сложным (матричным); классическое понятие цели – она есть характерное состояние субъекта; цель, неклассическое – она одновременно и состояние субъекта, и функция деятельности; сложность и неклассичность не всегда совпадают между собой. Важно учитывать проблему неопределенности цели: если идти от деятеля и деятельности, то с необходимостью приходишь к цели; если же исходным является цель, то она может привести и к деятелю и к деятельности. В данном случае только само направление указывает, что будет исследоваться, и цель выступает неопределенным единством субъективности и процессуальности. Отмеченные моменты, естественно, не результат ошибок Вебера, а следствие изменившихся социальных процессов. Социология перестает рассуждать только в режиме «цель – результат», но одновременно рассматривает и отношения «цель – смысл» и «цель – деятельность». Выясняется: в целерациональности изменяется не только рациональность, но и цель. В сферу социологического анализа включаются и предметные формы деятельности, и проблемы, связанные с оценкой всех составляющих предметной деятельности, и изучение ценностных систем в их историческом своеобразии. Данная проблема имплицитно присутствует уже у Вебера: если видеть в рациональной деятельности не только различие «цели» и «ценности», но и единство, то можно понять сферу «смысла» как способ связи «цели» и «ценности».

Задачи, которые решал Вебер в начале XX в., не могли не измениться и не привести к развитию его методологии. И тут важно соединить философские и психологические теории цели и целеобразования и – одновременно - представить их так же операционально, как это было сделано М.Вебером на примере анализа концепции призвания. Задача эта сложная – при всей близости используемого теоретического языка – и философы, и психологи считают анализ целеобразования своей и только своей прерогативой. Социологически можно и нужно представить цель как матричное понятие, что позволит: рассмотреть её в субъектном аспекте (противоречивое единство индивидуального – коллективного – социального), и не потерять деятельностный характер процесса целеполагания. Смысл человеческой деятельности – определитель матрицы цели. Этот подход позволяет показать: человеческая деятельность – одновременно индивидуальна, социальна и универсальна, что усложняет социологический анализ целерационального действия. Индивид, группа, общество – не только различные формы представленности субъекта, но одновременно и моменты процесса целеполагания. Такое понимание целеполагания позволяет избежать двух крайностей: методологического индивидуализма (индивидуальная цель человеческого действия – объяснительный принцип социальных процессов) и методологического социологизма (коллективные или общественные представления преобладают над индивидуальным интересом).

Применительно к проблематике призвания можно отметить: если призвание рассматривать как единство всех видов социального действия, то призвание изменяется точно так же, как и социальное действие. В этом смысле можно говорить об индивидуальном, коллективном и общественном призвании. На каждом уровне социального действия возникает новое представление о призвании: традиционные представления о роли различных выдающихся людей

¹ Гайденко П.П., Давыдов Ю.Н. История и рациональность. М.1991. С. 62.

в том или ином обществе имеют разную характеристику - с точки зрения коллективной и общественной признанности.

С изменением понимания целесообразности меняется и понимание рациональности. Преодолевается трактовка рациональности как механизма индивидуального мышления, когда эти характеристики переносились и на общество, трактовавшееся как большой организм, клеточкой которого выступает индивидуальный субъект. Но уже в XIX в. было понятно: взаимоотношение «индивид – общество» не является только суммативным. Это понимание привело к кризису традиционной рациональности. Открытие потаенных мотивов человеческой деятельности не только отражает, что индивидуальный субъект не всегда осознает то, что он делает, но заставляет пересмотреть концепции социального действия и призвания. Сходная проблема возникала и перед методологической программой Вебера¹: «ориентация на другого» - это свойство индивида (наряду с другими присущими ему свойствами) или отношение? В зависимости ответа, можно получить разные трактовки самого индивида. В одном случае, «ориентация на другого» – специфическое качество индивида. Оно отличается от присущих индивиду объективных качеств – вес, рост и т.д., но очень близко к таким качествам как красота, доброта, ум и т.д.² В указательном поле «отношение к другому» является не определенным свойством, а исходным отношением. Но «другой» приобретает не символическую форму, а имеет структурированное «место». И «отношение к другому» должно проявляться не как совпадение двух свойств различных индивидов, а как совместная связь между ними. Особенность любой формы «эгологии» в том, что она исходит из индивидуальности и пытается найти то, от чего изначально абстрагировалась. Декартовское «*cogito*» на самом деле - результат определенных процессов, а не исходный пункт. Сложность проблемы взаимосвязи «индивидуального и социального» во многом определяется возможностью трактовать эту связь и как свойство, и как отношение. В социологии это означает различие между массой (толпой) и коллективом. В такой трактовке коллектив – это не просто совокупность индивидов, а специфическое отношение, которое не устраняет индивидуальных различий. С точки зрения целеполагания - при различном понимании связи «индивидуального и социального» - получаются различные трактовки общей цели. Общая цель - как однообразное повторение индивидуальной цели - специфическая трактовка «массового» общества. Масса – это группа людей, которые мыслят, думают и оценивают одинаково. Общая цель - как столкновение индивидуальных целей - может приводить к различным результатам коллективного принятия решений. Чья-то индивидуальная цель принимается после обсуждения всем коллективом – это одна возможность. Интересна и другая возможность: результатом коллективного целеполагания является то, что отличается от всех индивидуальных целей.

Наиболее глубоко в современной социологии изменились трактовки аффектационной деятельности, что не могло не отразиться на развитии веберовской концепции призвания. Анализ аффектационной деятельности предполагает уточнение сути «аффекта» и «аффективного действия». Вебер рассматривал их, анализируя мотивационную сферу деятельности человека. При этом под мотивом понималось «некое смысловое единство, представляющее действие лицу или наблюдателю достаточной причиной для определенного действия»³. Между действующим лицом и наблюдателем могут существовать различные отношения. Одно из них – смысловое единство. У действующего лица и наблюдателя могут быть и несмысловое единство, и различные смыслы. В этих двух случаях концепция индивидуальной мотивации оказывается недостаточной. Социальная мотивация показывает не только то, что

¹ «Введение в социологию принципа «ориентации на другого» представляет собой попытку внутри методологического индивидуализма и средствами последнего учесть нечто всеобщее, принять во внимание ту, если так позволительно выразиться, субстанцию социального, без которой целерациональное действие остается классической моделью робинзоны. (Гайденко П.П., Давыдов Ю.Н. История и рациональность. М.1991. с.68).

² Одна из заслуг «социометрического» метода Я. Морено - при помощи этого метода фиксируется не только «ориентация на другого», но и характер этой ориентации («антипатии», «симпатии», «безразличие»). Проблема в том, что метод Я.Морено хорошо работает для небольших групп. Но возникает вопрос: можно ли его перенести без изменения на все общество? Оказывается, что нельзя. Но этого и не нужно делать..

³Вебер М. Избранные произведения. М.1990. С.611.

мотивы у людей могут быть разными, но (что гораздо важнее) пытается соединять деятельность на уровне мотива. Если бы смысловое единство не развивалось, то все формы человеческой (не только аффективной) деятельности превратились в традиционную деятельность. Но отметим сложность осуществления развивающейся традиционной деятельности: есть традиции, которые не изменяются, они – ценностные формы, объединяющие общество в целостное единство; есть традиции, со временем устаревающие, и традиции возникающие. Вместо противопоставления этих аспектов нужно понять традиционную деятельность как единство ее темпоральных моментов. Настоящие социальные традиции – это и есть объединение момента современности и истинности. Диалектика распространяется не только на понимание традиционной деятельности. Обновление может быть традиционным (есть опасность не заметить обновления) и творческим (его необходимо отличить от «прожектёрства»). В результате можно говорить о сложном единстве: отживающие традиции; непреходящие традиции; вновь возникающие традиции; традиционное обновление и творческое обновление эмоционально-чувственной сферы. Историческое развитие приводит к совершенствованию человеческой рациональности и к изменению чувственно-эмоциональной сферы.

Важный аспект – темпоральность деятельности. Интересны тут подходы Делеза и Рикёра¹. Активность рассматривается как диалектика акта (действия) и актуальности (момента настоящего). Настоящее есть не только сжатие момента, но и разжатие вечности. Социологически это понимание темпоральности настоящего необходимо, но недостаточно. Настоящее есть не только соединение момента и вечности, настоящее – это современность. Современность позволяет говорить о единстве настоящего времени для разных субъектов и - вместе с тем - синхронизировать время и говорить о *со-временниках*.

Недооценка анализа аффективной деятельности приводила и приводит к тому, что в деятельностной теории акцент делается на свободе и необходимости, а в аффективной сфере – на активности (желание) и пассивности (страсти). Современная социология понимает эти проблемы как одну проблему и исходит из социальной ситуации (как взаимодействия субъектов), а не из индивидуального субъекта.

Теоретико-методологический анализ различных типов социального действия (социальной деятельности) помогает раскрыть предметные возможности социологической концепции призвания. Особенно проблема призвания актуализируется в условиях трансформационных процессов, происходящих в обществе. Рассмотрение более широкого социологического и культурно-исторического материала позволяет определить границы традиционной веберовской методологии, которая справедливо считается классикой социологии; проверить на конкретном материале изменившиеся формы целостной социальной деятельности; показать действительную социологическую эвристичность концепции призвания. В совокупности эти моменты и позволяют говорить о развивающейся классической социологии.

В главе 3.2. Призвание и субъектность исследуется социальность субъекта призвания и соотношение субъективности и призвания, дается социологическая интерпретация теории Бубера, обосновывается правомерность и значимость использования в социологическом анализе такого логико-методологического инструментария, как теория местоимений.

Уточнение проблемы субъекта призвания выводит еще на один аспект концепции призвания Вебера – лидерство, «харизма». Целостность концепции Вебера позволяет задать вопрос: как соотносятся между собой виды социального действия и идеальные типы «лидерства»? По Веберу, «господство, основанное на преданности тех, кто подчиняется чисто личной «харизме» «вождя», есть высшее выражение «мысли о призвании»². Если традиционной деятельности соответствует традиционный тип лидера, целерациональной деятельности - легальный тип, то харизматический тип лидера соответствует двум типам деятельности - аффективной и ценностно-рациональной. Тип «харизматического» лидера выступает противоречивым единством между аффектом и ценностью. Так как ценность относится к сфере рациональности (но отличается от цели), то понятие призвания (как внутреннее ядро «харизмы») есть единство чувственно-

¹ См. подробнее: Делез Ж. Различие и повторение. СПб., 1998; Рикёр П. Время и рассказ. М., 2000.

² Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 493.

эмоционального и рационального уровня. Харизматических лидеров нельзя анализировать с помощью лишь одной методики. Понимание призвания как встречи «харизмы» с «ценностно-рациональным» и «аффектационным» действиями с необходимостью приводит к теории, которая должна объединить харизму, ценность, аффект, рациональность и деятельность.

Проблематика субъективности связана одновременно и с процессом, и с предметом деятельности. И социологическая проблематика субъекта должна соединить в себе процессуальность и предметность. В социологии субъект и субъективность представлены, как минимум, в двух формах: субъект, изучающий социальную реальность, и субъективный аспект предметного самоопределения. Две этих формы субъективности связаны с ответами на вопросы: Кто изучает? и Что изучается? Объединяет и разъединяет эти две формы диалектическая концепция субъективности, соединяющая не только проблемы предметности и процессуальности, но также указательное и символическое поля языковой деятельности. В социологической трактовке социального субъекта переплетаются проблемы логики, грамматики, риторики, философии и социологии. «Субъект» может быть понят не только как активный деятель, преобразующий объективную реальность, но и как «субъект» логического суждения, который определяется отношением с логическим «предикатом». «Субъект» и «предикат» логического суждения могут выступать «подлежащим» и «сказуемым» предложения. Уже в XX в. показана недостаточность принципа субъектности, понятого только как диалектика человеческого Я (отметим работы М.Бубера «Я и Ты», З.Фрейда «Я и Оно», которые являются определенными «вехами» в социологии, философии и психологии). Ориентиром может выступить проблематика личных местоимений, взятая в специфически социологическом контексте и позволяющая рассмотреть систему личных местоимений как целостность.

Традиционное понимание субъекта вращалось и вращается вокруг проблемы «Я и другой». При всей важности концепций интерсубъективности ее невозможно осуществить в замкнутом субъектном пространстве. Как только встает проблема «Я и другие», возникает вопрос: «Кто эти другие?» Постоянно идет спор не столько о Другом, сколько о конкретной форме представленности Другого. Мыслители, понимающие «Другого» как «Он (Она)», рассматривают его как объект. Мыслители, пытающиеся понять «Другого» как «Ты (Вы)», подчеркивают субъектность другого человека. Оба эти подхода не свободны от внутренних противоречий. Поэтому и возникает вопрос: «Другой – это «Ты» или «Он, Она»? Ответ зависит от понимания «Я». Здесь проходит граница, различающая две великие феноменологические программы – Гегеля и Гуссерля. Различие феноменологических подходов (разное понимание «Я») сказывается на постановке и решении проблемы интерсубъективности. Различные ответы редуцируют целостную систему личностных местоимений к одному или нескольким аспектам. Сказывается и сложность различения «Я как символа», обозначающего любого человека, и «Я как указателя» говорящего субъекта¹. Отсутствие такого различия указательного и символического поля языка постоянно воспроизводит вопрос: «Что первично – указание или представление?», хотя сегодня можно говорить и об определенной его некорректности. Вместо поспешного ответа можно переформулировать исходную ситуацию и считать указательное и символическое поле языка взаимодополнительными.

Социологическая постановка вопроса также связана с личными местоимениями, но в отличие от рассмотренных выше местоимений единственного числа, социология рассматривает и личные местоимения множественного числа. Интересную социологическую концепцию предлагает З. Бауман². Объединяющим моментом является встреча, частота встреч различает

¹ Ю.М.Лотман считал: «Структура Я» - один из основных показателей культуры. «Я» как местоимение гораздо проще по своей структуре, чем «Я» как имя собственное. Последнее не представляет собой твердо очерченного знака». (Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб. 2001. С.127).

² «Из всех различий и разделений, позволяющих мне наблюдать «перерывы постепенности», воспринимать различие там, где иначе мог быть плавный переход, подразделять людей на категории в зависимости от их отношения и поведения, одно различие проявляется сильнее и больше влияет на мои отношения с другими, чем все остальные, которые я представляю себе и воспроизвожу в своем поведении, - различие между «мы» и «они». «Мы» и «они» - это не определения двух отдельных групп людей, а названия различия между двумя совершенно **разными отношениями**: эмоциональной привязанностью и антипатией, доверием и подозритель-

между собой ситуацию коммуникации и взаимодействия (встречи часты) и ситуацию-функцию (они редки). «В большинстве случаев, - подчеркивает Бауман, - меня не интересуют стороны личности другого, не связанные с выполнением функции, которую я от него ожидаю». Критерий ожидания, присутствующий при различении ситуации-функции и ситуации-взаимодействия, не всегда коррелирует с частотой встреч. В одном случае можно говорить о «Мы - близкие» и «Мы - дальние», в другом – об ожидаемом или неожиданном поведении. Бауман недооценивает разнообразие форм контакта между людьми, считающими себя близкими. Чувствуя внутреннюю противоречивость критериев «встречи» и «ожидания», Бауман говорит о необходимости ввести и групповое различие: «Различие между «мы» и «они» в социологии часто представляется как различие между внутригрупповыми и межгрупповыми отношениями». Здесь переплетаются две идеи: «Мы» и «Они» понимаются как группы (множественное число личных местоимений): «Я рассматриваю мою группу как «мы» только потому, что некоторую другую группу рассматриваю как «они»¹; в социологии они являются групповыми отношениями. Причем критерий различения этих отношений есть диалектика внутренних и внешних связей группы. Следовательно, «Мы» и «Они» - это не только совокупности, но внутренние и внешние связи. Совокупность выделенных критериев (частота встреч, социальное пространство, формы ожидания, противопоставление совокупности и связи, взаимодействия и функции, эмоциональные характеристики) – это существенные социологические проблемы, нуждающиеся в объяснении, а не только в описании.

Различное представление о «Мы» находит свое практическое применение в современных социологических теориях. В.А. Ядов с коллегами разработали специальную методику по выделению критериев, используемых россиянами при конструировании в своей субъективной реальности группы «Мы». Эта методика «предусматривает выявление не только механизмов «мы»-идентификации, но также и определение оснований идентификации с группой «они», т.е. с «чужими», «не своими»². Если сравнивать с «я»-идентификацией, то заметно, что развивается понимание и идентификации, и оснований идентификации, усложняется понимание личностного и коллективного взаимодействия. Это во многом объясняет неоднозначную трактовку разными современными социологами (В.А.Ядов, Е.Н. Данилова, Ю.А.Левада, Н.Ф.Наумова и др.) проблемы «Мы»-идентификации. При этом данная проблема связана с различными тенденциями: адаптации и мобилизации (как позитивного, так и негативного характера), а сама «Мы»-идентификация выполняет различные функции: защиты, понимания, взаимопомощи, стабилизации и согласования групповых интересов.

Философия Нового времени вращалась вокруг картезианского принципа «Я мыслю, следовательно, существую», для социологии важно другое – «Мы взаимодействуем, следовательно, существуем» (акцент на социальное взаимодействие). При этом проявляется многообразие не только типов и видов социального взаимодействия, но и способов его изучения.

«Что же является исходным – Я или Мы?» Если исходное – «Я», то «Мы» появляется вместе с проблемой «Другого Я». Тайну этой «друговости» (интерсубъективности) и пытались разгадать многие мыслители XIX - XX вв. Если же исходное – «Мы», то проблема «Я» появляется в результате обособления. Указательное поле социологии объединяет эти подходы. «Мы» мыслится как «Я» и «другое Я». Одновременно «Мы» – это процесс, результатами которого становится каждое «Я». И интересно, как связаны между собой «Я мыслю» и «Мы взаимодействуем». Эта связь может раскрываться по-разному. Предложенный Декартом и продолженный философами Нового времени вариант («Я–Мы–Я») наиболее ярко представлен в «Феноменологии духа» Гегеля. Его заслуга - целостный анализ развивающегося субъекта и различных форм знаний. Знание и его высшую форму (мышление в понятиях) Гегель понимал как не только индивидуальную способность, но и объективную форму, стремящуюся

ностью, безопасностью и страхом, общительностью и неуживчивостью» (Бауман З. Мыслить социологически. М.1996. С.46).

¹ Бауман З. Мыслить социологически. М.1996. С.46-47.

² Данилова Е.Н. Изменения в социальных идентификациях населения России. 1992-1998 //Социологический журнал, 2000.№4. С.41.

ся к абсолютности. Гегеля выявил диалектику человеческого Я, затрагивающую Всех, Мы-философов и Я-мыслителя. Одновременно в его концепции ставится проблема взаимодействия мнений, знаний, субъектов, которую невозможно решить без социологии. Гегель теоретически обосновывает значимость социологии, не называя ее социологией. Социологически более правильной будет другая размерность («Мы–Я–Мы»)¹. Любое решение этой проблемы потребует социологического анализа системы личностных местоимений. Этот анализ не должен восприниматься как отказ от ранее полученных результатов изучения субъекта (и как активного деятеля, и как определяющего логику и грамматику момента целостного единства). Социологическая интерпретация в работе философско-теологической концепции Вышеславцева позволяет поставить и рассмотреть важные для деятельностной концепции призвания вопросы: «Почему Закон как принцип этики может быть отвергнут? В чем несовершенство морали «долга»? Почему «морализм» раздражает?»². Их анализ особенно актуален с учетом многолетнего преобладания в нашей действительности «морали долга» при определении призвания личности, её профессионального и жизненного выбора. Идея противопоставления приказу и запрету интимно-сердечного соприкосновения была развита Фрейдом, отметившим развитие от запретного предмета до запретной мысли³. Ему вторит современный социолог С.Московичи⁴. В системе ценностей, по Вышеславцеву, приказ и запрет выделяют норму: ненормальность выходит за рамки ценностной сферы для тех людей, которые придерживаются определенной нормы. И тут возможны разные подходы – выход за ценностную норму – её опровержение, приказ и запрет сменяются интимно-сердечным соприкосновением; выход за ценностную норму – полагание другой нормы, нормы подчеркивают разнообразие ценностей. Изменение одной ценностной системы не уничтожает систему ценностей, а видоизменяет её. Самая сложная задача - объединить эти подходы, рассматривать необходимость ценностной системы и признать ее типологическое разнообразие. Ценность можно трактовать не только как «норму»⁵, но и как «идеал». Вышеславцев противопоставляет эти две необходимые формы ценности; закон трактуется как ценность-норма, а благодать - как ценность-идеал. В социологическом ракурсе можно утверждать: не существует обществ, в которых бы не было ценностей. Возможная дискуссия определяется вопросом: чем же являются норма и идеал - формой или основанием системы ценностей? Вышеславцев склоняется к пониманию нормы и идеала как различных форм ценностей и не фиксирует возможность понимания их как оснований ценностной системы. Концепция закона у Вышеславцева имеет и еще один – важный для понимания сущности призвания – аспект: подчеркивается, что исполнение закона зависит не только от закона, но и от исполнителя. И есть разные возможности (пределы, границы): хороший закон – хорошие исполнители; хороший закон – плохие исполнители; плохой закон – хорошие исполнители; плохой закон – плохие исполнители. Важно отметить и целостность закона. «Закон не терпит пренебрежения к самому незначительному правилу, ибо здание может рухнуть, если вынуть из него небольшую часть»⁶. Но правила различаются – на значительные и незначительные. Это относится к ситуации, когда приходится выбирать не между законом и нарушением закона, а между двумя (или более) правилами закона. Обычно в таких ситуациях говорят: выбираем меньшее из зол. Тем самым, выбор поведения (отношение к призванию!) отличается по содержанию: между законом и нарушением, между двумя правилами закона, между двумя видами нарушения.

«Харизма» выражает не только индивидуальное призвание личности (аффективное и ценностное), но и проявляется как социальная поддержка (рациональная и иррациональная одновременно). Противопоставление «закона» (как социальной нормы) «благодати» (как инди-

¹ «Общество, в отличие от единичного одушевленного существа, есть в качестве соборного единства не некое «я», а – «мы»; его единство существует, присутствуя и действуя как сознание общности, как идея «мы» в отдельных его членах» (Франк С.Л. Духовные основы общества. М., 1992. С.47).

² Вышеславцев Б.П. Этика преображенного эроса. Проблемы закона и благодати. М., 1994.

³ Фрейд З. Тотем и табу. М., 1999.

⁴ Московичи С.Машина, творящая богов. М., 1998..

⁵ В структурном функционализме (особенно – у Т.Парсонса) рассматривается норма-ценность.

⁶ Вышеславцев Б.П. Этика преображенного эроса. М., 1994. С.37.

видуальному проявлению призвания) оказывается недостаточно. Закон, кроме аспекта социальной нормы, несет в себе и индивидуальную ценность. Благодать, кроме индивидуального проявления, должна быть социально осуществлена. Поэтому многочисленные «разрывы» предметных, процессуальных и субъективных форм целостной деятельности порождают интересные концепции объяснения социального феномена призвания. Но они и противоречат друг другу по способу объяснения сущности призвания.

В главе 3.3. Темпоральность, топологичность и призвание: социологический подход исследуются пространственно-временные аспекты социологической концепции призвания. Социологический анализ темпоральности не может не отличаться от философского и физического, но обязан учесть их достижения. Особую значимость для социологического анализа представляет отмеченное Г.Х. Вригтом принципиальное различие: во времени и самого времени¹. П. Штомпка стремится подчеркнуть социологичность своего подхода, противопоставляя время и социальное время. Но когда социальное понимается как прилагательное к какому-нибудь существительному, то последнее понимается как предмет, а первое как качество этого предмета. Что входит в противоречие с основной интенцией автора: «Все социальные явления происходят в некоторый момент времени. Все социальные процессы имеют протяженность, протекают во времени. Короче говоря, социальная жизнь простирается во времени. Время, как и пространство, является универсальным контекстом социальной жизни». Несмотря на пространственные метафоры – протяженность и протекание – из определений следует, что социальный феномен существует во времени. Между тем, анализ начинается с несколько другой посылки: «Рассмотрим сначала некоторые общие свойства времени как измерителя любого социального феномена, а затем некоторые специальные характеристики времени как аспекта социальных изменений». Прежде чем анализировать что-то во времени, необходимо ответить на вопрос: «Что есть время?» Обосновав, что «последовательность и протяженность – два решающих аспекта времени», Штомпка переходит к анализу времени как аспекта социального изменения². Для современной социологии необходимо объединение двух аспектов: социальности как неотъемлемого качества времени и темпоральности как важнейшего качества времени. Время понимается и как качество, и как предмет. А предметность является не только статической характеристикой, но и процессуальной.

Ответ на вопрос: «Что такое время?» в таком контексте выглядит соединением кантовских форм чувственности – пространства и время. Соединяется арифметика (последовательность) и геометрия (протяженность), натуральные и действительные числа, так как только действительные числа объединяют между собой арифметику и геометрию. Но это требует использования в социологическом анализе времени и пространства теории чисел³. Идею разнообразия чисел социологически осмыслил Шпенглер⁴. Но что стоит за этим разнообразием? По Шпенглеру, – различные миры культур, особое мироощущение. Число понимается им не как результат мыслительной деятельности, а как формообразующий принцип. Это различие проводится как противоречие между ставшим и становлением. Вместо статичности Шпенглер предлагает динамическую концепцию числа. В различные исторические периоды система чисел преобразовывалась и трансформировалась. В отличие от древнегреческой математики современная математика исходит из натуральных чисел, именно натуральный ряд является базисным элементом числовой системы. В понимании натуральных чисел социология исходит из того, они созданы человеческим обществом, отказываясь одновременно от теологизма, натурализма и «робинзоны». От этого необходимо отличить проблему: «Как числа понимают люди?» Ясно, что не все люди – ученые, математики, логики. Поэтому в общественных представлениях могут быть и переплетение ответов, и даже отсутствие ответов. И

¹ Бригт фон Г.Х.. Логико-философские исследования. М.1986. С.515

² Штомпка П. Социология социальных изменений. М.1996. С. 67

³ См.: Гладкий А.В. Числа: натуральные, рациональные, действительные, комплексные. М.2000; Курант Р., Роббинс Г. Что такое математика? М.-Ижевск. 2001; Папюс Э. Наука о числах. М.1999; и др.

⁴ «Не существует и не может существовать никакого числа в себе. Есть множество миров чисел, так как есть множество культур» (Шпенглер О. Закат Европы. Т.1.М.1993. С.208).

нужно различать: социологическую концепцию времени, понятую как историческая и диалектическая система; представления социологов о времени и представления о времени конкретных людей и конкретного общества. Наиболее интересное и сложное для социолога – изучение общественных представлений о времени, которые могут и очень часто не укладываются в научную концепцию времени. В этом случае социологу предстоит не только зафиксировать различные представления о времени, но и объяснить: «Как это возможно?» Ответом на этот вопрос и стало развитие трансцендентальной концепции темпоральности Вебера.

Неразрывно связана с этим и концепция топологичности. Особый интерес в этом плане (в связи с анализом призвания социолога) представляют идеи Бурдьё. Активно исследуется топологичность и в отечественной социологии. Уже понятие «статус» в силу традиционного социологического понимания может быть рассмотрено как «позиция», «место» в обществе. Когда речь идет о статусном кризисе, возможны две формы изменения: изменяется сама позиция и изменяется человек, занимающий эту позицию. «Статус» есть не просто «позиция» или «место» в обществе, а скорее «композиция» и «многочестность». Впрочем, можно говорить и о таком варианте: одному статусу соответствуют несколько позиций, и одновременно – одна позиция может быть разностатусной. Любая топологическая характеристика есть единство «локальности» и «глобальности». Добренков и Кравченко говорят о «Локусе», который есть центр «глобуса»¹. Тем самым, признается кризис «западноцентризма». После известных работ Шпенглера и Хейзинги констатация этого кризиса воспроизводится практически постоянно. И точно также социологи находят теоретические средства для преодоления его последствий. Но такое понимание отношения топологичности (единство «локуса» и «глобуса») – не единственное. «Локус» – может быть понят и по-другому. Ж. Делез заостряет внимание на проблеме поверхности и глубины. Как только выясняется, что глубина и поверхность не только связаны (проблема единства), но и отличаются (проблема различия), возникают вопросы: Каковы законы развития глубины? С какой позиции различаются поверхность и глубина? Почему глубинные (сокрытые от взгляда) явления проявляются как поверхностные эффекты? Чем отличаются поверхностные события и эффекты? Одна из постоянно воспроизводимых проблем – обособленное рассмотрение «локальности» и «глобальности». Но это – соотносительные характеристики. Они соотносятся и на поверхности, и в глубине. Процесс глобализации будет совершенно непонятен, если локальность будет пониматься или только как часть глобальности, или игнорироваться совсем. Разрывы, совершенно естественно возникающие при таких теоретических построениях, могут и должны быть зафиксированы, осмыслены и преодолены.

Для реализации проекта социологии жизни необходимо пересмотреть базовые характеристики топологичности, которые классическая социология заимствовала у социальной философии. Последняя, в свою очередь, опиралась на кантовское различие двух априорных форм чувственности: пространство и время. Если понимать время как «внутреннее чувство» (субъективное тождество «я есмь я»), а пространство как «внешнее чувство» (по аналогии «субъект–предмет»), темпоральные и топологические характеристики рассматриваются вместе и одновременно противопоставляются друг другу. Результат этого мыслительного процесса – постоянное взаимоотражение проблем внутреннего и внешнего, пространства и времени. Для развивающейся классической социологии важно не совершить две ошибки: отбросить классическое понимание «топологичности» и провозгласить новую топологическую модель: «поле», «сеть» и другие взаимодополнительные топологические характеристики. Нужно отличать онтологическое пространство от представлений об этом пространстве. И «локальные» различия еще больше ощущаются на «глобальном» уровне.

Различение пространства на реальное и представленное позволяет сказать, что «места», где классическая социология испытывала наиболее существенные трудности, есть показатель не ее неверности, а необходимости ограничения. В современной социологии, должны быть взаимоувязаны две, казалось бы, противоречивые модели. Одна представляет соедине-

¹ Добренков В.И., Кравченко А.И. Фундаментальная социология. Т.1, М., 2003. С.ХII.

ние конкретного «места», повседневности, «локуса» - через различные пространственные опосредствования – с «глобусом». В этом случае индивид представляет себя жителем определенной территории, области, региона, страны, материка и, наконец, жителем планеты Земля. Мы все живем на Земле, но каждый в своем особенном «месте»¹. По мере удаления от «локуса» пропадает эмоциональное переживание пространства, оно заменяется теоретическим понятием. Вторая концепция (её можно назвать развивающейся) утверждает, что «локальность» и «глобальность» - это не просто точки пространственного отсчета, а взаимопроверчивые, взаимообусловленные и взаимонеобходимые моменты любой пространственной характеристики. Именно такой подход позволяет снять противоречие между повседневной жизнью простого человека и интеллектуала, с одной стороны и показать глобальные проблемы в конкретной ситуации². Космос – это не только «красота» (косметика), не только гармония, но и порядок. И в социологическом контексте речь может идти, прежде всего, о миропорядке. Представить мир можно не только как «космос», но и как «глобус». Это различные формы представленности «универсума». Топологичность глобалистики – проблема миропорядка. Подчеркнем еще раз: без одновременно поставленной проблемы «локализации» глобальность как миропорядок – есть не более чем абстрактная модель. Сложность такой постановки проблемы связана с изменением классической топологической модели, когда «локус» понимался как отдельные общества, а сумма этих «локусов» и представляла универсум человечества.

В **главе 3.4. Смысловое единство – ключевая проблема деятельностной трактовки призвания** исследуется обогащение и развитие социологической концепции призвания с учетом вклада А. Шюца в развитие веберовской социологии «повседневной жизни». Современную социологию интересует не только проблематика смыслового единства, но и вопрос: как развивается смысловое единство? Отталкиваясь от подхода Ю.М. Лотмана, отметим ряд возможностей: смысл постоянно противостоит бессмыслице; смысл развивается экстенсивно, по синусоиде, временами выходя в «свет» актуальности, и потом возвращается в «тьму»; смысл развивается регрессивно (многие смыслы исторических эпох прошлого нам не просто непонятны, а неизвестны); смысловое единство есть определенный «генератор» смысла (это говорит о неисчерпаемости исторических событий)³. Особый интерес в данном плане представляют работы А. Шюца. Сам он отмечал связь своей концепции с идеями Вебера, которые определяют «исходный момент всякой подлинной теории социальных наук». Но одновременно и подчеркивал, что анализ Вебера «не проник в те глубинные слои, вхождение в которые только и позволяет справиться со многими важными задачами, вытекающими из самого метода гуманитарных наук»⁴. Основная заслуга Вебера ему видится в идее «свободы социальных наук от ценностного подхода» и определении задачи социологии «вместо метафизической спекуляции – простое, но правдивое описание общественного бытия». Для Шюца основные задачи анализа социального мира включают: непредвзятое при любых обстоятельствах описание самого этого мира социальных фактов; упорядочивание его в ходе основательной логико-понятийной работы; обработка полученного таким образом материала средствами точного анализа. Опираясь на метафизические изыскания Бергсона и Гуссерля, он подчеркивает, что для Вебера «социология – уже не философия человеческого бытия. Она является отдельной наукой о поведении человека и его следствиях». И далее: « Вебер сводит все виды социальных отношений и структур, все случаи культурной объективации и области

¹ «Я живу в географически определенном месте... язык отмечает координаты моей жизни в обществе и наполняет эту жизнь значимыми объектами» (Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995. С.42-43).

² В работе А.Ф. Филиппова «Социология и космос» показано, что «любая наука, коль скоро она достигнет определенной точки теоретического напряжения, сталкивается с проблемой Космоса. «Космос», «мир», «универсум» так или иначе проникают в социологические построения. А это – не только чисто теоретическая проблема» (Филиппов А.Ф. Социология и космос// Социо-Логос. М. 1991. С.241).

³ См.: Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб. 2001

⁴ Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: Очерки по феноменологической социологии (Пер. с англ.). М., 2003. С.697

объективного духа к изначальному событийному элементу социального поведения индивида»¹. Так вводится важнейшее понятие – «событийный элемент». Используя термин феноменологии Гуссерля «редукция» как принцип, Шюц пытается показать – на примере Вебера – его применимость и в социологии².

Из всего богатства интерпретации (и теории, и метода) Шюц выделяет идеальный тип: «Специфическая задача социологии требует, скорее, особой методики, чтобы отсеять релевантный для ее специфической постановки вопроса материал, и этот отсев происходит с помощью особых понятийных конструктов, а именно, через выработку *идеальных типов*». Шюц акцентирует важность проверки идеального типа конкретным историческим материалом, «в качестве которого наблюдателю предстает социальный мир». Отсутствие проблемы изменения исторического материала не только в режиме наблюдения, но и его создания приводит к «узкой» трактовке «идеального типа» (способ наблюдения), и как следствие – к созерцательной трактовке «смыслового постижения мира». Метод «идеальной типизации» позволяет уловить слой за слоем смысл отдельных социальных феноменов как субъективно подразумеваемый смысл человеческих действий. Именно так – по Шюцу – раскрывается «строение социального мира как строение постигаемых смысловых элементов». Вместо детерминационной связки «предмет – метод» им вводится смысловая соотнесенность «метод – смысл». Раскрывая разницу между опредмечиванием и осмыслением, не стоит забывать об их единстве. Расширение методологического самоопределения социологии можно понять как единство предметного определения (упорядочивание и отбор материала) и осмысления социального мира. Осмысление мира есть не только созерцательное наблюдение, но и, прежде всего, деятельностное осмысление.

Расхождение «феноменологической социологии повседневной жизни» Шюца и «понимающей социологии» Вебера начинается с его несогласия с выбранными Вебером философскими основаниями. Но уже Вебер показал, что сама социология изменяет философские основания. Необходимо учесть возможность анализировать отношение «философия – социология» по модели «основание – обоснованное», помня: трансцендентализм и диалектика различают «основание и условия»; да и результат в определенных ситуациях сам становится условием. И действительная связь «социология – философия» сложнее, чем ее представляют.

В модели Шюца отношение «свое – чужое» необходимо дополнить концепцией «Другого», т.е. одновременно рассматривать «свое – другое – чужое». Ключевой вопрос – как смысл чужого действия становится смыслом своего действия? Проблема Другого – и в предметной сфере, и в сфере смысла – в том, что его невозможно понять только как субъекта, безразлично действующего или наблюдающего; это – «оператор» перевода действия в наблюдение и наблюдения в действие. Как только предметно Другой фиксируется как взаимодействующий партнер, возникает проблема своего и чужого смысла (как Другой понимает смысл моих действий?). Включенность и невключенность – это характеристики не только событийные и ситуационные, но и темпоральные. По мнению Шюца, у Вебера субъективно подразумеваемый смысл действия противопоставляется его объективно познаваемому смысловому содержанию, но не исследуются превращения смыслового единства в зависимости от позиции интерпретатора и те перспективы восприятия, в которых даны живущему в социальном мире окружающие его люди. Социальное поведение разделяется на свое поведение и поведение других. Проблематизируя поведение других, Шюц различает непосредственно переживаемое поведение и поведение, данное лишь опосредованно, а в нем – опосредованно данное поведение современников и опосредованно данное поведение людей прошлого. Но в проблематику осмысления должна включаться и идея развития, а не только отношение «настоящее – прошлое»; без темпорального момента «будущее» смысловое единство не будет развиваться.

¹ Там же. С.690

² «Никогда прежде принцип редукции «мира объективного духа» к поведению индивида не проводился столь радикально, как это было сделано Максом Вебером при определении предмета понимающей социологии как науки, задачей которой является интерпретация *субъективного* (то есть подразумеваемого действующим человеком или действующими людьми) смысла разновидностей социального поведения» (Там же. С.692).

Из констатации Щюца, что не все в поведении других людей (и непосредственно переживаемом, и опосредованно данным) гомогенно собственному поведению субъекта, вовсе не следует, что никакой гомогенности тут не существует. Парадоксальность социального мира в его одновременной гомогенности и разнородности. Но это - в свою очередь – свидетельствует: современная социология жизни исходит из более сложной концепции «единства смысла», нежели ее можно представить как выбор между гомогенностью и разнородностью.

Стоит отметить и различие между полаганием и истолкованием смысла. Две эти процедуры осуществляются не непосредственно, а с учетом перспективного сокращения, которое не только становится условиями полагания и истолкования смысла, но и есть результат определенного полагания смысла и неоднозначности истолкования. Сама идея «перспективы», как показывают работы М.М.Бахтина, недостаточна: она опирается на определенные жанры искусства (живопись) и не учитывает полифоничность (музыка).

Изменение предмета (предметом становится смысл) есть одновременное изменение смысла. Эту объективную сложность смысловой реальности Щюц представляет разнообразно: существенное различие; субъективность переживаемых событий; различие интерпретации и самоинтерпретации. Парадокс его концепции «социологии повседневной жизни» – в непроясненности связи между событием и переживанием события. Смысл (как взаимодействие) представляется противоречием субъектного отношения: один субъект (Я) только действует и не интерпретирует, а другой субъект – наблюдатель («alter ego») – интерпретирует и не действует. Концепция авторства Бахтина снимает это противоречие. Исходная перспектива должна рассматриваться как наблюдательное действие и действительное наблюдение.

Щюц зафиксировал важную проблему – перенос представлений в понятийный аппарат научной дисциплины. Опосредованно он отмечает противоречие: без решения проблемы индивидуального и социального нельзя рассматривать отношение «представление – понятие». Вопрос, который нужно решить, связан с проблемой синтеза. Но что подлежит синтезу: различные представления; понятия, полученные из различных представлений; или надо говорить о сложном синтезе «представления и понятия»? Примечательна позиция Щюца: «этот социальный мир повседневности, представления которого о бытовании социального феномена заимствуются наукой, должен, в свою очередь, быть предметом научного исследования в социологии, задача которой как раз в том и должна состоять, чтобы подвергать сомнению «само собой разумеющееся». Специфика повседневности вводится как своеобразие несомненности. Но именно в этой несомненности таится опасность. Постановка вопроса о «**социальном достоверном**» не может быть феноменом индивидуального сознания, она раскрывает суть задач, которые стоят перед социальной наукой. Упрек Веберу, что он рано закончил сомневаться, не работает: само сомнение – это историческая процедура. Сомнение не просто изменяется, развивается система «сомнение – несомненное». Социология исследует и общетеоретическую проблему сомнения, и понимание сомнения как совместного мнения (со-мнения). Структура взаимодействия «сомнения и со-мнения» может и должна рассматриваться не только как совокупность индивидуальных мнений. Феноменологический проект Щюца позволяет понять сомнение не только как индивидуальную форму сознания (различая сознание и мышление), но и, прежде всего, как социальную форму сознания. Однако этого недостаточно, поскольку изначально разрывается действие и наблюдение. Действие и есть то несомненное, которое совершается человечеством (обществом, индивидуальным человеком), несмотря на все сомнения. Данное противоречие Щюц формулирует так: «Именно этот мир, переживаемый нами как осмысленный, является осмысленным миром и как предмет социологической интерпретации. Разница только в том, что смысловой контекст, в который научный способ интерпретации стремится встроить этот мир, является контекстом не непосредственного переживания, а контекстом классифицирующего анализа». За «непосредственным переживанием» и «классифицирующим анализом» скрываются известные фигуры: субъект действия (непосредственно переживающее лицо) и наблюдатель (специалист по анализу). Но нельзя забывать о дискуссиях аналитиков, отказывать в аналитиче-

ских способностях действующему субъекту. Да и «бесстрастность» наблюдателя, как показал Вебер, – такая же фикция, что и не анализирующий свои действия субъект действия.

Шюц выделяет две возможности «постижения смысла»: «обладание смыслом» в хаосе простой вовлеченности в жизненный поток; адекватная смысловая интерпретация. Но не столько поиск адекватной смысловой интерпретации (хаотичность простой вовлеченности в жизненный процесс может превратить его в бесконечный поиск), а необходимость действия в условиях смысловой неопределенности – вот фундаментальное отличие развивающейся социологии жизни и от понимающей социологии, и от социологии повседневной жизни.

Различие современной социологии жизни и феноменологической концепции Шюца проявляется в его предложении: для решения действительных социальных проблем обратиться к основательному философскому инструментарию. С позиции развивающейся социологии жизни процесс выглядит иначе: не философский инструментарий в социальную науку, а социологический аспект в философскую проблематику. Шюц пытался, исходя из поставленных Вебером проблем и с учетом идей Бергсона и Гуссерля, «дать с помощью анализа конституирования точное определение феномена смысла», чтобы «шаг за шагом проанализировать смысловую структуру социального мира, обосновав, таким образом, методологический аппарат понимающей социологии с учетом более глубоких пластов, чем это делал Макс Вебер»¹. Это позволяет рассмотреть социологическую трансформацию: исходный пункт анализа – социология Вебера; далее идет «философское углубление», чтобы дать «смысловую структуру социального мира» с «учетом более глубоких пластов». С позиции развивающейся социологии жизни – это и есть трансформация понимающей социологии. Призвание – тот социологический предмет, на котором можно проверить методологические новации и показать предметное развитие.

В главе 3.5. Социальная трансформация и призвание исследуется процесс исторического развития призвания (в соотношении с социальной трансформацией). Социологическая концепция призвания требует выделить пункты встречи Индивида и Истории. Определяющим для социологии является не констатация такой встречи, а выделение её специфических условий: проблема призвания наиболее ярко и выразительно связана с переходным состоянием общества (переходность объединяет и форму, и содержание); ключевой социальной проблемой любого перехода является сплоченность общества (именно на переходном этапе); содержательные моменты переходности общества из одного состояния в другое зависят от конкретно-исторических условий и не могут без адаптации к этим условиям переноситься из одной преобразовательной формы в другую; существует общий преобразовательный стиль, который в зависимости от исторических условий приобретает специфическую направленность самого преобразования. Трансформация (как процесс) превращается в трансформатор.

Модель социологической концепции призвания разработана Вебером для Лютера и для Реформации. Реформация не единственный исторический процесс, благодаря которому можно объяснить переходный характер общества. Можно назвать и Возрождение, Просвещение. Важный момент анализа разных эпох (на примере Средневековья) отметил А.Я. Гуревич, призвавший «сосредоточить внимание не на высших формах культуры и интеллектуальной деятельности (философия, архитектурные стили, лирика, роман), а «на коренных проявлениях мироощущения рядового человека». При таком подходе периодизация Средневековья (Раннее – Высокое – «Закат») «едва ли окажется релевантной»².

Для социологической концепции призвания эти идеи означают, что проблема призвания возникает как «встреча» различных ментальностей: элитарной и массовой, «верхней» и «низовой», мира повседневной жизни и рефлексии (научной, эстетической, этической) об этой жизни. Это позволяет проанализировать социологическую концепцию призвания в различных аспектах. Каждый из них раскрывает не только его специфику, но и сложность преобразовательных социальных процессов. Произведения «высокой» человеческой культуры игра-

¹ Шюц А. Смысловая структура повседневного мира: Очерки по феноменологической социологии (Пер. с англ.). М., 2003. С.695,699

² Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М.1990. С.10 –11).

ют роль «образцов»-ориентиров, до которых разные группы доходят с разной скоростью. А это отражает разные социальные представления о трансформации, разное отношении к сущности и необходимости преобразования. В диалектике «образца» находит свое воплощение противоречие представленности эпохи и выразительности эпохи.

Особый интерес представляет эпоха Возрождения: для концепции призвания важна не только «встреча», но и то, что она проявляется в конкретной человеческой деятельности. Противоречивость личности связана и с процессуальностью, и с разными темпами процессов. Понимание призвания становится многополюсным: объективным и субъективным, историческим и гуманитарным, просветительским и просвещающим. В историческом контексте, кроме Данте, Лютера и Руссо, необходим «идеальный тип», объединяющий Возрождение, Реформацию и Просвещение. К «индивидуальному» аспекту важно добавить социальный контекст, о котором говорил применительно к итальянским гуманистам Л.М. Баткин.

Проблема трансформации состоит не только в фиксации результата этого процесса, но и в анализе самого процесса трансформации. Неразрывное единство «результативности и процессуальности» позволяет говорить о специфическом ракурсе рассмотрения. В одном случае акцент делается на результате, в другом - на способе достижения результата. Это отражает и многоаспектность трансформации, и многофакторность социального призвания.

Сравнение Возрождения и Реформации (как изменения социальной формы) показывает: в одном случае (*Возрождение*) осуществляется возвращение к истоку, который часто оказывается неопределенным; в другом (*Реформация*) – видоизменяется существующая форма. Это позволяет говорить о социальном подражании (воспроизведении определенной формы) и социальном катарсисе (очищении существующей формы). Но речь в обоих случаях идет не только об изменении формы, но и о содержательных процессах. Содержательно трансформация – и совпадение, и различие. Можно зафиксировать историческое различие между эпохами Возрождения и Реформации, но они и два «идеальных» типа трансформаций.

У любой деятельности существует социальный субъект. Индивидуальные субъекты, входящие в социальный субъект, становятся одновременно и субъектами призвания, если характер их деятельности выражает сущностные моменты преобразовательного процесса.

Социальное противоречие «Индивид – Деятельность», рассмотренное Вебером для процесса Реформации, приобрело вид «Лютер – Реформация». Объясняя суть Реформации как преобразовательного процесса, социолог объясняет: в чем проявилось призвание Лютера. Объясняя призвание Лютера, социолог раскрывает специфику Реформации. В многочисленных социологических и социально-философских работах об эпохе Просвещения такой личностью выступает Ж.-Ж. Руссо. Не менее интересен для Возрождения Данте, понимаемый как переходная личность. Одна из социологических задач - показать преобразовательный процесс как постоянное взаимодействие, направленное на сплочение общества. Концепция призвания Лютера рассматривалась в социологии Вебера как один из основных моментов Реформации. Аналогичным образом соотносится призвание, миссия, избранничество Данте с Возрождением. Следовательно, для понимания связи призвания и социального изменения можно и нужно поставить вопрос о тождестве и различии Возрождения и Реформации, призвания Данте и призвания Лютера. Возрождение, Реформация, Просвещение – не только разные формы, но и разные способы связей между двумя (как минимум) формами. Соединению этих «идеальных типов» «мешает» их понимание только как определенных этапов исторического развития. Но такому представлению – в рамках социологического анализа – нужно противопоставить акцент на их переходность как общее качество.

Понимание призвания как задания позволяет говорить о вариантах его выполнения. Если не требовать поиска единственного и правильного выполнения, то призвание становится вариативным. В вариациях заданность может проявляться по-разному. Отсюда, проблема «призвание как образец». Понятие вариант объединяет эти проблемы: одно его значение связано с изменением, изменяем вида, второе – передача, понятая как трансляция одной и той же темы (переход между историческими эпохами отличен от перехода внутри одной эпохи).

Социологически очевидны изменения формы нашего общества в последние десятилетия. Как бы ни оценивался этот процесс, без понятия «формы» невозможно обойтись. Одни социологи называют происходящие процессы «реформой» и подчеркивают объективные сложности на этом пути. Другие – как «деформацию» предшествующих завоеваний общества. В пылу полемики забывается предмет спора. Допустимые в публицистике аргументы спорящих недостаточны для науки. Можно зафиксировать отсутствие определения исходных понятий. Вопросы (Что такое реформа? Как понимается деформация?) не возникают. И не только из-за сложности ответов, но и потому, что часто решаются совсем другие задачи. Социолог так поступать не может (не должен). Если социальный процесс рассматривается одними как «реформа», а другими – как «деформация», то естественно предположить, что проблема «формы» и есть та проблема, которая их объединяет. Но «форма» - как предмет объединения - одновременно является предметом разделения. Возникает проблема: конфликт или согласие? Итак, «форма» объединяет и *реформу*, и *деформацию*. Чтобы что-то реформировать или деформировать, это что-то должно присутствовать. Отношение к социальному процессу как к деформации означает: есть идеальная модель; происходит фиксирование конкретного состояния дел; разработан механизм оценки текущего момента и идеальной нормы, их сопоставления. Если последняя процедура дает отрицательный ответ по каким-либо основным параметрам, то это и называется «деформацией». Совсем иначе работает механизм реформ. Он меньше обременен конкретным положением дел. Точнее – любой реформатор считает, что проблема не в конкретной форме, а в идеальной. Понимание их связи ведет к негативной оценке конкретной формы, отрицание связи – к игнорированию конкретной формы. Как бы ни относился реформатор к конкретной форме, главный его пафос направляется на изменение идеальной формы. Многозначность трансформации позволяет применительно к теории призвания различать «званных» и «*призванных*», избранных. Субъективное ощущение (быть званным) нужно дополнить объективным (быть избранным – призванным). Объективные формы признанности – признанности исторически изменяются, зависят от социальных условий. И проблема призвания воспроизводится все в новых и новых формах.

В разделе IV. Призвание современного социолога введенное Вебером в отношении политики и науки разграничение призвания и профессии применяется к социологии. Ориентир – идея Бурдьё: основное в призвании социолога – его готовность и умение «вписаться» в предметное поле современной социологии. Призвание социолога непосредственно связано с его практической деятельностью, где оно и реализуется. Разнообразие видов и форм социологической деятельности затрудняет понимание того, что социологи по-разному реализуют единство социологического призвания (при всем различии теоретико-методологических, эмпирических и социально-практических исследований). Институционализация деятельности социолога позволяет различить профессионализм, любительство и шарлатанство. Последнее – как в любой развивающейся науке – спекулирует на общественных потребностях в социологических знаниях и пытается представить правдоподобные результаты, полученные ненаучным способом, как высшее достижение современной социологии. Необходимость рассматривать тройственную возможность социологического призвания (профессионализм, любительство и шарлатанство) связана и с тем, что не все формы любительства есть по определению шарлатанство. В любительстве можно выделить дилетантизм и собственно любительство. Если дилетантизм противопоказан любой науке, то без нормального любительства (с оттенком «любовь к определенному делу») никакая наука невозможна. Сложности этой ситуации позволяют разделить социологию как деятельность на научную и стихийную¹. Поэтому можно говорить о профессиональном и стихийном призвании. Но обобщение оценок и мнений известных социологов об их пути в науку позволяет не только противопоставить стихийное призвание профессиональному, но и понять их определенное единство, когда выясняется, что профессиональное призвание социолога невозможно без его жизненного опыта и здравого смысла. Выявление этой связи (а не только различия) требует анализа основных

¹ Добренков В.И., Кравченко А.И. *Фундаментальная социология*. Т.1. М., 2003. С.16.

приемов стихийной социологии («социальная типологизация, социальная категоризация и социальное ранжирование») в их развитии от стихийности к научности.

Основа типологизации – социальное обобщение. Как показывает анализ концепции Леви-Стросса, при всей простоте обобщения оно может быть не только сравнительным, но и структурным; обобщение признаков предмета отличается от обобщения признаков действия. Типичный человек и типичная деятельность – не только одинаковые результаты социального сравнения, но и разные методологические процедуры. Развитие призвания социолога, его умения находить и подмечать типичное идет от стихийного проявления к сознательному применению. С социологической (научной) точки зрения важно понять отличие близких по смыслу понятий: тип, прототип, архетип, стереотип, социальный тип, идеальный тип и т.д. Стихийная социология применяет и использует их как однопорядковые и взаимозаменяемые. Научная социология, фиксируя их «однотипность», должна показать и их различия.

Важную роль в понимании призвания социолога играет умение использовать различные методы конкретных социологических исследований. И тут важна не техническая сторона дела, а механизм реализации социологического призвания. Опрос, объединяющий социолога и респондента, позволяет говорить о разном отношении к опросу. Респондент представляет население, социолог – социологию. В одном случае представление – возможное, случайное, в другом – необходимое. Форма представленности зависит от конкретно решаемых социологом задач. Социолог и респондент не только по-разному «представляют» социологию и население, но и исполняют определенные роли. Роль «респондента» случайна и незначительна, роль «социолога» есть форма его повседневной жизни, обусловленная образованием и опытом. «Отношение к опросу» со стороны социолога есть обязательный (не всегда осознаваемый) компонент его профессиональной деятельности. Комплексная разработка проблемы социологии как призвания и профессии – важный аспект её самоопределения. И, напротив, более глубокое самоопределение социологии плодотворно скажется на уточнении профессиональной роли современного социолога, на более четком осмыслении каждым социологом своего призвания.

В **Заключении** подводятся итоги диссертационного исследования, обобщаются его результаты, выделяются проблемы и направления социологической концепции призвания, требующие дальнейшего изучения и анализа.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора:

СТАТЬИ В РЕФЕРИРУЕМЫХ ИЗДАНИЯХ:

1. Вишневский С.Ю. Концепция «призвания» в социологии М. Вебера // Вестник ГОУ ВПО Уральского государственного технического университета – УПИ, 2003, вып.4 (24). 1 п.л.
2. Вишневский С.Ю. Методологические проблемы социологии культуры// Вестник ГОУ ВПО Уральского государственного технического университета – УПИ, 2005, № 3(55). Ч.2. 0,5 п.л.(в соавт.)
3. Вишневский С.Ю. Смысловое единство – ключевая проблема деятельностной трактовки призвания // Вестник ГОУ ВПО Уральского государственного технического университета – УПИ, 2005, № 3 (55). Ч.2. 0,5 п.л.

МОНОГРАФИИ И РАЗДЕЛЫ В МОНОГРАФИЯХ:

4. Вишневский С.Ю. Призвание: социологический анализ. Теоретико-методологический и историко-социологический аспекты. Екатеринбург: Изд-во УГТУ-УПИ. 2004. 10,23 п.л.
5. Вишневский С.Ю. Призвание: деятельностный подход. Теоретико-социологический анализ. Екатеринбург: Изд-во УГТУ-УПИ. 2005. 10 п.л.
6. Вишневский С.Ю. Гл. 5. Информационная культура студентов // Студент – 99. Екатеринбург: СВАПОС. 1999. 0, 6 п.л.
7. Вишневский С.Ю. гл.VIII. Студенты о стратегическом плане развития Екатеринбурга // Студент – 2003. Екатеринбург: СВАПОС. 2003. 0,4 п.л.
8. Вишневский С.Ю. Гл. 4. Молодежь и труд. Профессиональное самоопределение молодежи // Социокультурный портрет молодого тагильчанина (семь лет спустя). Н. Тагил: НТГПИ. 2000.1,3 п.л.

9. Вишневский С.Ю. Гл.1. Социальная политика – социальное взаимодействие – социальное самочувствие // Социальное самочувствие жителей среднего уральского индустриального города. Екатеринбург: УО РОС. 2003. 1,2 п.л.
10. Городской учитель – социально-профессиональный портрет (Информационно-аналитический отчет по материалам социологического исследования в Нижнем Тагиле). Н.Тагил: УО РОС. 1993. 192 С. (авторское участие - 1,8 п.л.).
11. Система образования г. Красноуфимска: социокультурное пространство. Екатеринбург: ИРРО. 1996. 99 с. (авторское участие - 1,2 п.л.).
12. Кадровый потенциал образовательного комплекса района: состояние и пути оптимизации. Екатеринбург: ИСОМ, 1996. 94С. (авторское участие - 1 п.л.).
13. Горнозаводской учебный округ: проблемы и перспективы развития системы профтехобразования. Екатеринбург, Н.Тагил: УГТУ-УПИ-НТГПИ. 1997. 48 С. (авторское участие - 0,5 п.л.).
14. Молодежь России и рынок (Информационно-аналитический отчет по итогам социологического исследования). Екатеринбург, Челябинск. 1991. 153 С. (авторское участие - 1,1 п.л.).
15. Молодежь Среднего Урала. Екатеринбург: УИМ, 1996. 64С. (авторское участие - 0,6 п.л.).
16. Подростковые клубы: проблемы, тенденции, перспективы. Екатеринбург: ИСОМ. 1994. 88С. (авторское участие - 0,4 п.л.).

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ.

17. Вишневский С.Ю. Эмпирическая интерпретация понятия «культура»: опыт исторической реконструкции // Обновление России: общество – образование – молодежь – культура. Материалы научно-практической конференции, посвященной 30-летию кафедры социологии и политологии УГТУ-УПИ). Екатеринбург: УО РОС. 1993. С.41-50 (в соавт).
18. Вишневский С.Ю. Социальная политика – социальное взаимодействие – социальное самочувствие //Ученые записки НТГПИ. Общественные науки. Т.2. Ч.1. Н. Тагил, 2002. С35-46 (в соавт., авт. участие – 0,4 п.л.).
19. Вишневский С.Ю. Социальное самочувствие и социальная политика: теоретико - методологический анализ// Муниципальная социальная политика. Екатеринбург: УГТУ-УПИ. 2004. С.9-22 (0,8 п.л.)
20. Вишневский С.Ю. Социология культуры: современный методологический поиск и исторический опыт // Школа + информация + культура = Школа информационной культуры. Вып. 2. Екатеринбург: УГТУ, 1997. 1,3 п.л.
21. Вишневский С.Ю. Читая Пушкина... (проблема «отцы и дети» в трагедии «Скупой рыцарь») // Школа + информация + культура = Школа информационной культуры. Вып. 3. Екатеринбург: УГТУ, 2000. 1,3 п.л.
22. Вишневский С.Ю. Культурологические программы Гегеля, Вебера, Шпенглера и современная социология культуры // Возрождение России: Образование – культура – молодежь. Екатеринбург. 1998. 0,4 п.л.
23. Вишневский С.Ю. Образ культуры в представлениях учащейся молодежи//Круглый стол «Образование и культура» в рамках всемирной конференции под эгидой Юнеско «Культурное достояние Урала и Сибири». Тезисы докладов и выступлений. Екатеринбург, Красноуфимск: ИРРО. 1995. С.24-25 (0,2 п.л.)
24. Vischnevsky S.Y. Student's concept of a cultural person // World conference of UNESCO «Cultural heritage of the Urals and Siberia». Екатеринбург, Красноуфимск: ИРРО. 1995. Р. 24-25 (0.2 п.л.)
25. Вишневский С.Ю. Жизненные планы старшеклассников и выбор профессии. Факторы выбора профессии// Совершенствование системы профориентации школьников Екатеринбурга в условиях становления рынка труда. Екатеринбург: ИСОМ. 1995. С.9-23 (1 п.л.).
26. Вишневский С.Ю. Теоретико-методологический анализ аффектационной деятельности //Актуальные проблемы социологии и менеджмента: Общество – управление – образование – молодежь – культура. Материалы 5-й Всероссийской научно-практической конференции

«Возрождение России: Общество – управление – образование – молодежь – культура», посвященной 40-летию кафедры социологии и социальных технологий управления УГТУ-УПИ. Вып.6. Екатеринбург: УГТУ-УПИ. 2004. С. 22-32.

27. Вишневский С.Ю. Социология как призвание и профессия // Актуальные проблемы социологии и менеджмента. Материалы Всероссийской конференции «XV Уральские социологические чтения «Возрождение России: Общество – управление – образование – молодежь – культура». Екатеринбург: УГТУ-УПИ. 2005. С.34-37.

28. Вишневский С.Ю. Современная социология на пути к методологии выбора // Большой Урал – XXI век. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции/Вып.1 Екатеринбург: РОС, 2001. 0,4 п.л.

29. Вишневский С.Ю. Социология и власть // Большой Урал – XXI Век. Сборник материалов Всероссийской научно- практической конференции. Вып.4 Екатеринбург, РОС, 2001. 0,4 п.л.

30. Вишневский С.Ю. Социальное самочувствие и социальное взаимодействие// Большой Урал – XXI Век. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Вып.4 Екатеринбург 2001. 0,6 п.л.

31. Вишневский С.Ю. Идеи Л.Н. Когана о политической культуре: перспективы развития// Межвузовский сборник: Проблемы общественного развития в зеркале социологии и экономики. Екатеринбург. УГППУ. 1999.0,4 п.л.

32. Вишневский С.Ю. Гражданское общество в России - диалектика становления (Размышления о книге: Модель И.М., Модель Б.С. Власть и гражданское сообщество России: от социального взаимодействия к социальному партнерству. Екатеринбург. 1998) // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН. Вып. 1. Екатеринбург: УрО РАН 1999. 0,4 п.л.

33. Вишневский С.Ю. Темпоральность: социологический подход// Межвузовский сборник Актуальные проблемы социологии и менеджмента: общество – управление – образование – молодежь – культура. Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 2003. С.21-25 (0,4 п.л.).

34. Вишневский С.Ю. Актуальные проблемы социологии культуры// Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. Челябинск. 2001. 0,8 п.л. (в соавт.).

35. Вишневский С.Ю. Методологические проблемы социальной трансформации // Межвузовский сборник Актуальные проблемы социологии и менеджмента: общество – управление – образование – молодежь – культура. Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 2003. С.25-28 (0,4 п.л.)

36. Вишневский С.Ю. Проблема местоимений: социологическое прочтение работы М. Бубера «Я и ты» // Межвузовский сборник Актуальные проблемы социологии и менеджмента: общество – управление – образование – молодежь – культура. Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 2003. С.28 -38 (0,8 п.л.)

37. Вишневский С.Ю. Самоопределение социологии: теоретико- методологические проблемы// Актуальные проблемы социологии и менеджмента: общество – управление– образование – молодежь – культура. Вып. 3. Екатеринбург: УГТУ-УПИ. 2003. С.5-13 (0,6 п.л.).

38. Вишневский С.Ю. Проблемы призвания в творчестве Л.Н. Когана// Кросс-культурные и гендерные исследования. Социологические проблемы образования, семьи, молодежи. Ч.II. Екатеринбург: УрГУ, 2004. С.399-405 (0,4 п.л.).

ДОКЛАДЫ И ТЕЗИСЫ ВЫСТУПЛЕНИЙ НА МЕЖДУНАРОДНЫХ, РОССИЙСКИХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ КОНФЕРЕНЦИЯХ

39. Вишневский С.Ю. Проблема призвания в творчестве П.А. Сорокина // Тезисы докладов 1-й Всероссийской научной конференции «Сорокинские чтения – 2004: Российское общество и вызовы глобализации». М., 2004. С. 23-25.

40. Вишневский С.Ю. Эмпирическая интерпретация понятия «культура»: опыт исторической реконструкции// Обновление России: общество – образование – молодежь – культура (материалы научно- практической конференции, посвященной 30-летию кафедры социологии и политологии УГТУ-УПИ). Екатеринбург, 1993. С.129-132 (в соавт.).

41. Вишневский С.Ю. Призвание и деятельность // Актуальные проблемы социологии и менеджмента: Общество – управление – образование – молодежь – культура. Материалы 5-й

Всероссийской научно-практической конференции «Возрождение России: Общество – управление – образование – молодежь – культура», посвященной 40-летию кафедры социологии и социальных технологий управления УГТУ-УПИ. Вып.6. Екатеринбург: УГТУ-УПИ. С.16-21.

42. Вишневский С.Ю. Призвание: поколенческий подход // Проблемы реализации личностного потенциала молодежи в современных условиях. Труды Всероссийской научно-практической конференции. Томск. 2004.

43. Вишневский С.Ю. Интеллектуальная собственность: конфликтные ситуации и пути их разрешения // Управление конфликтами интересов в сфере создания и использования объектов интеллектуальной собственности. Материалы Всероссийской конференции, посвященной 85-летию УГТУ-УПИ. Екатеринбург: УГТУ-УПИ. 2005. С.11-14. (в соавт.).

44. Вишневский С.Ю. Вступление вузов России в Болонский процесс: социологический аспект // Вузы России и Болонский процесс. Международная научно-практическая конференция, посвященная 85-летию УГТУ-УПИ. Екатеринбург: УГТУ-УПИ. 2005. С.67-70 (в соавт.).

45. Вишневский С.Ю. Проблема социального субъекта в современной социологии // Возрождение России: общество – образование – культура – молодежь. Вып.3. Материалы научно-практической конференции, посвященной 80-летию УГТУ-УПИ. Екатеринбург: УГТУ-УПИ 2001. С.11-12 (0,2 п.л.).

46. Вишневский С.Ю. Современная социология – на пути к методологии выбора // Большой Урал – XXI век. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. Ч.1. XIII Уральские социологические чтения. Екатеринбург. 2001. С.5-8 (0,4 п.л.).

47. Вишневский С.Ю. Общество – системный подход // Современное общество: вопросы теории, методологии, методы социальных исследований. Материалы VI Всероссийской научной конференции, посвященной 80-летию со дня рождения профессора З.И. Файнбурга. Сентябрь, 2002 г. Пермь: ПГТУ. 2002. С.39-42 (0,3 п.л.).

48. Вишневский С.Ю. Общество как система // Социология социальных трансформаций. Н. Новгород. 2003. 0,2 п.л.

49. Вишневский С.Ю. Диалектика «Мы»-«Они» и социологическая концепция призвания // Организация в фокусе социологических исследований: в 2-хт. Том I / Под общей редакцией проф. З.Х. Саралиевой. Н.Новгород: Издательство НИСОЦ, 2005. С.110-112.

50. Вишневский С.Ю. Л.Н. Коган о смысле жизни, судьбе и призвании // Качество жизни в социокультурном контексте России и Запада: методология, опыт эмпирического исследования. Ч.1. Екатеринбург, 2006. С.14-16.

51. Вишневский С.Ю. Методология историко-социологического анализа // Будущее России: стратегии развития. Тезисы докладов уральских социологов на I Всероссийской научной конференции «Сорокинские чтения» (Москва, декабрь 2005 года). Екатеринбург: УГТУ-УПИ, 2006. С.20-23.

УЧЕБНЫЕ И УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОСОБИЯ

52. Вишневский С.Ю. Основы менеджмента: Методпособие. Екатеринбург: УГТУ. 2001. 1 п.л.

53. Вишневский С.Ю. Стратегический менеджмент. Методическое пособие. Екатеринбург: УГТУ-УПИ. 2003. 42С. (в соавт.) (авт.доля) 1,5 п.л.

54. Вишневский С.Ю. Управление персоналом. Учебное пособие для студентов социально-экономических специальностей. Вып.1. Введение. Становление и развитие теории и практики управления персоналом. Екатеринбург: Гуманитарный университет. 2003. 60С. (в соавт.). (авт.доля 2 п.л.).

55. Вишневский С.Ю. Управление персоналом. Учебное пособие для студентов социально-экономических специальностей. Вып.2. Кадровая политика фирмы. Екатеринбург: Гуманитарный университет. 2003. 68С. (в соавт.) (авт.доля 2,5 п.л.).